

попаданец

ПОПЫТНИК

Юрий Корчевский

УЧЕНИК
ПУТИЛИНА

Попаданец (АСТ)

Юрий Корчевский
Ученик Путилина

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Корчевский Ю. Г.

Ученик Путилина / Ю. Г. Корчевский — «Издательство АСТ»,
2020 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-126577-9

Павел Кулишников, следователь Следственного комитета, оказывается перемещен во времени на полтора века назад. Время правления Александра II, самого прогрессивного из русских царей, отменившего крепостное право, осуществившего многие давно назревшие реформы в стране – финансовую, военную, судебную, земельную, высшего и среднего образования, городского самоуправления. Чем же ответила страна? Появлением революционных обществ и кружков, и целью их было физическое устранение царя-реформатора. Начав служить в Сысской полиции под руководством И. Путилина, Павел попадает в Охранное отделение Отдельного корпуса жандармов. Защитить государственный строй, уберечь императора – теперь главная задача для Павла. И жандармерия – как предтеча и прообраз ФСБ, ФСО и Росгвардии.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-126577-9

© Корчевский Ю. Г., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Юрий Корчевский

Ученик Путилина

Глава 1

Несчастный случай

Все же хорошо после напряженной трудовой недели выбраться из города на отдых. Пятница, вечер. Павел сложил папки с делами в сейф, опечатал, отправился на вокзал, на электричку. Полчаса в набитом людьми вагоне, и вот он уже в родных пенатах. В пятницу все, у кого есть дом за городом, либо родня, устремляются на встречу с природой. Свежим воздухом подышать, поесть свежих овощей прямо с грядки, не отравленных химикатами. А Павлу сам бог велел за город, родители-пенсионеры там проживали. Благо – по линии железной дороги, добираться удобно. Своей машиной доберешься не быстрее по пробкам, да и нет авто у Павла, не заработал еще. Кредиты брать не хотел, это как удавка на шею на многие годы. Удивлялся, как люди берут кредит в банке на вещи, без которых можно обойтись легко, например на смартфоны. Каждая новая топ-модель стоит, как месячная, а то и двухмесячная его зарплата. Вполне можно обойтись смартфоном дешевым. Функция телефона – позвонить. А в соцсетях часами зависают только бездельники, которым времени не жалко. Так же и с машиной. Какие его годы? В армии срочную отслужил, потом учеба в юридическом институте, в Следственном комитете служить начал. Должность самая маленькая – рядовой следователь, на погонах по две маленькие звездочки, если к армейским званиям приравнять – лейтенант. Сказать, что от службы в восторге был, так нет. Больше работы бумажной. Запросы, экспертизы, поручения. Но по нынешним временам – стабильность, денежное довольствие выше средней зарплаты по региону, положение, перспективы роста. Считал – все впереди, квартира, семья, машина.

В двадцать четыре года кажется, что все лучшее еще впереди. Поскольку родители простые труженики, то и богатое наследство не светит, всего самому добиваться надо. Но по натуре Павел оптимистом был. Впрочем, в его годы пессимистов почти нет, жизнь еще не была жестоко.

К родителям наезжал каждую неделю, если дела позволяли. Хоть и учился в Питере, а друзей-приятелей почти не осталось, разъехались по местам службы, работы. Павлу еще повезло, как отличник попал на службу в госструктуру. И всяко лучше в Следком, чем в УФСИН. Конечно, были «блатные», которых богатые родители пристроили юристами на свои производства, но таких единицы.

Приехав, быстро перекусил, переоделся и на огород, родителям помочь. Земля, она ухода требует. Грядки вскопать, кусты обрезать, забор подправить. Ребенок он в семье единственный и поздний, помогать есть необходимость. Да и самому приятно летом свежую клубнику с куста поесть или яблоко. Правда, таких вкусных яблок, как на юге, здесь не было. То ли сорта яблонь не те, то ли погодные условия. Все же Ленинградская область – не благословенный Краснодарский край.

Как стемнело, посидели за чаем, поговорили. У родителей новостей никаких, какие новости на пенсии? Больше Павел говорил о том, что в городе произошло. А потом и спать. В деревянной избе ничего не изменилось. Как спал в детстве в своей комнате, так и сейчас там. Кровать, письменный стол, два стула и шифоньер с одеждой, вот и вся обстановка.

После напряженной недели засыпал быстро. Показалось, хлопнуло что-то, громко, недалеко. Наверное – приснилось. Перевернулся на другой бок, а уже отец трясет за плечо.

– Паш, вставай.

– Ночь же еще!

– В соседнем доме Василий чудит. Напился, домочадцев гоняет, а ныне за ружье схватился. Как бы худого не вышло. Ты бы сходил, ружьишко отобрал, а то у него одно бабье царство – жена и три дочери.

Не хотелось сон прерывать, идти, но раз отец просит... К тому же Василий был мужиком спокойным и работающим, пока трезвый. А как выпьет, с катушек слетал, домочадцы прятались то в сарае, то к соседям бежали. Поутру Василий не помнил ничего из «подвигов», а рассказывали – не верил. Конечно, сейчас можно полицию вызвать. Ружьецо отберут, самого Василия в «обезьянник» определят, штраф выпишут. Да с чего его платить, если Василий случайными заработками перебивается? Нет в селе работы и в городе не берут, если только дворником, так ныне конкуренция велика из-за среднеазиатских гастарбайтеров.

Ладно, потратит десять минут, заберет ружье и спать вернется. Зашел на соседний участок, навстречу жена Василия, тетя Катя, метнулась.

– Паша, не ходил бы ты в дом. Как бы чего дурного не случилось.

– А дочери где?

– Они у родни в Питере. Василий-то опять напился, бузотерит, в грудь себя бьет, обиды вспоминает.

Это повторялось почти каждый месяц. Василий был «чернобыльцем», участвовал в событиях на Чернобыльской атомной станции, был ликвидатором. Только многие получили инвалидность, пенсии, а его государство обошло. Для Василия обида, ведь болячек полно, да и зубы сплошь железные, свои сразу после ликвидации аварии выпали.

– Тетя Катя, я быстренько. Ружье только заберу.

– Я патроны-то спрятала, уж неделю как.

– Выстрел-то был, я слышал.

Патроны могли быть в двустволке. Не положено так ружье хранить, заряженным, но кабы все жили всегда по закону. Павел на крыльцо поднялся, дверь распахнул, а перед ним стволы и перекошенное злобой лицо.

– Изydi!

И тут же выстрел. Павел предпринять ничего не успел, слишком неожиданно. В грудь удар сильный, дикая боль, в глазах потемнело, слабость мгновенно накатилась, упал. В голове мысль мелькнула: «Зачем?»

И отключился. Сколько так пролежал – не знает. А только открыл глаза – сверху белое. Выстрел вспомнился.

«В рай попал? Или это больничный потолок?»

Сделал глубокий вдох, боли в теле не почувствовал. А должна быть боль, в грудь Василий стрелял, тоже мне, соседка.

Скосил глаза – окно, свет дневной бьет. Перед окном стол. От души отлегло, не умер, все земное. Дверь хлопнула, вошел кто-то – и женский голос:

– Павел Иванович, вставать на службу пора.

Женский голос незнаком, но его назвали правильно. Привстал, оперся о локоть. В комнате тетенька лет пятидесяти, на стол завтрак собирает. Странно, он не видел ее никогда, а память на лица у него фотографическая.

Встал, с удивлением увидел на себе исподнее. Кальсоны, белая рубаха. Вроде подобное в кино видел про старину.

– Пожалте умываться, Павел Иванович! – снова тетка и полотенце протягивает.

А где умываться? Осмотрелся, увидел дверь, шагнул. В конце коротенького коридора умывальник. Очень давно был у родителей похожий. Вверху умывальник полукруглый с соском, ниже железная, клепаная раковина, под ней ведро. Роскошь для деревень, похоже – довоенной или послевоенной поры. Да ладно, не привыкать, не боярин. Умылся, вытерся и в ком-

нату. На столе баранки, чашка ароматного чая, в вазочке сахар крупными кусками, щипчики, сахар колоть. Что-то шевельнулось в душе. Странность есть. Пиленого сахара в магазине он не видел давно. Тетка вышла, а Павел к пожелтевшему зеркалу в углу. Рубаху задрал, а кожа чистая. Никаких шрамов от ранений. За руку себя ущипнул – не снится ли все? Да нет, от щипка боль. Бросил кусок сахара в чашку, ложкой размешал, откусил баранку. Ух ты! Давно такого не ел. Мягкая, свежая, сверху маком присыпана, духовитая. Необычным завтрак получился. Обычно чашка кофе и печенье. Обедал в час дня уже в столовой Следкома. Неплохо кормили, но все же не домашняя пища. А ужинал обычно дома. А сейчас он где? Комната не родительского дома и не съемной квартиры. Подошел к окну и замер. Такого не может быть, потому что не может быть никогда! Незнакомая ему улица. Проезжая часть мощеная, по тротуарам люди идут, но одежда странная, такую не носят уже век, а то и два. Глаза потер, но ничего не изменилось. Конный экипаж проехал. Копыта цокают, на передке кучер сидит в картузе. И вывески просто наповал сразили.

«Лавка купца Стасова. Лучшая рыба!». Или «Харчевня господина Воеводина». И вывески старомодные, какие видел на картинах. Это где он? Подошел к шкафу, дверцу распахнул. На плечиках мундир, не похож ни на форму Следственного комитета, ни на какую другую.

Темно-зеленая куртка, серые шаровары, кепи. А еще юфтевые сапоги. Здесь же висела серая шинель и серый же плащ для ненастной погоды, папаха для зимы. А еще – большая черная кожаная кобура с огромным револьвером.

Полиция была утверждена в 1715 году императором Петром I, и первоначально штат ее был невелик. Полицмейстер, его товарищ (заместитель), четыре офицера и тридцать шесть нижних чинов. Кроме того, дьяк и десять подьячих для ведения делопроизводства. Для огромного уже в те времена города мизер. И потому в 1718 году полицмейстеру передали армейский пехотный полк, все чины которого стали полицейскими служащими. Функций на полицию было возложено много – пограничная охрана, выдача паспортов, надзор за питейными учреждениями, уголовный сыск, пожарная безопасность. С годами, кроме городских управлений во главе с полицмейстером, появились полицейские части и участки во главе с участковыми приставами, околотки во главе с околоточными надзирателями. Самые нижние чины – городовые.

И попасть в полицию, получить жетон полицейский было непросто. Предъявлялись жесткие требования. Возраст от 25 до 40 лет, крепкое телосложение и здоровье, рост не менее 2 аршин и 5 вершков (169 см), русской национальности и обязательно православные (иудеев не брали категорически). Кандидат должен был иметь не менее трех классов обучения в училище, предъявить справку, а еще положительные отзывы из полка или от полиции по месту проживания. Большая часть полицейских новобранцев прошли службу в армии, были уволены по выслуге лет либо семейным обстоятельствам.

Служить в полиции было не только почетно, но и выгодно. Например, полицейский надзиратель, имевший чин, равный прапорщику в армии, получал 450 рублей жалованья в год против 300 рублей у армейского прапорщика. Полковник полиции получал в год 1500 рублей довольствия, 700 рублей столовых и 600 рублей на разъезды, кроме того, обеспечивался квартирой от казны. А полковник в армии имел 750 рублей в год, вдвое ниже и без всяких доплат. Правда, гвардейские офицеры имели вдвое больше, да еще премии из личной казны императора в дни его тезоименитства.

В городах был положен один городской на 500 жителей, на четырех городских – 1 старший. Всего в Санкт-Петербурге было 38 полицейских участков по состоянию на 1866 год или 58 кварталов. Кстати, в Зимнем дворце была своя дворцовая полиция, в 1861 году она насчитывала 30 человек, в 1905 году их было 144 человека.

Павел форму решил примерить. Не ходить же все время в исподнем, нехорошо. Оделся – шаровары, рубаха с поперечными погонами, сапоги, кепи. Все пришлось впору, как будто на него пошито. Опоясался ремнем с шашкой и револьвером в кобуре, подошел к зеркалу. И едва

себя узнал. На него смотрел бравый полицейский, каких видел на редких картинах в музеях. Прямо театрализованное представление, маскарад. Но все это чужое, надо снимать. Если его застанет хозяин, можно получить по шее, разрешения ему никто не давал.

Однако вошла тетушка, всплеснула руками.

– Павел Иванович! Вы, как всегда, вовремя! Уже экипаж прибыл.

Какой экипаж? Он не ждал никого. Однако решил идти. Надо же разобраться, в какую историю он влип, а сидя в комнате ничего не узнаешь. Вышел из дома, обернулся. На углу номер – пятый. Еще бы улицу узнать, да не написано. Что город Питер, это ясно, с запада легкий ветерок, явно морской, с запахом йода, соли. А еще вдали виден купол Исаакиевского собора, его не спутаешь с другим, ориентир отличный.

У пролетки кучер стоит, при виде Павла колпак с головы снял, поклон отвесил.

– Доброе утро, господин Кулишников!

Епрст! Что творится – непонятно. Имя, отчество, фамилия – его, но время другое. Ни машин, ни электричества, ни телефона! На улице ни одного столба с проводами. А должны быть – электрические, телефонные. Хоть бы узнать, какой год?

Павел уселся на сиденье пролетки. Мягко, удобно. Возничий сразу вскочил на передок.

– Как всегда, сперва на службу?

– Именно так.

Пролетка по каменистой мостовой шла мягко, благодаря огромным колесам, но шумно. Цокали копыта лошади, гроыхали окованные железом ободья колес. Перебрались через мост.

– А какой сегодня день, братец? – спросил Павел.

В старых фильмах он слышал такое обращение.

– Шутить изволите? Двадцатого дня мая месяца одна тысяча восемьсот шестьдесят седьмого года от рождества Христова! – отчеканил кучер.

Павел был в шоке. Как он попал на полтора века назад? Такого быть не может! Но вида не подал. Мало того, еще были вопросы. Почему его приняли за своего? Он никогда этих людей не видел, но они правильно называют его имя, фамилию. Похож? Но голос, привычки, походка – другие. Не может быть двух абсолютно одинаковых, даже однояйцевые близнецы имеют отличия, пусть и минимальные. Был повод подумать. Но не сейчас, когда цейтнот. Теперь же вести себя спокойно, осторожно. Он стал осматриваться по сторонам. Похоже, едут они в сторону Гороховой улицы, одной из трех центральных, наряду с Невским проспектом, или как называл его государь Петр – Невская перспектива. Однако проехали дальше.

Кучер лихо подкатил к зданию, у входа стоял полицейский. При виде Павла вытянулся во фрунт, отдал честь. Сразу за входом его встретил подьячий, как позже узнал его должность Павел.

– Доброе утро, господин прапорщик. Изволите ознакомиться с почтой?

– Изволю.

– Я уже вам на стол положил. Сверху срочные, из канцелярии.

– Пройдем, почитаешь.

Прочитать Павел мог бы и сам, да не знал, где его рабочее место. Подьячий засеменил на полшага впереди, угодливо распахнул дверь, Павел моментально осмотрелся, увидел вешалку, повесил на нее кепи, пригладил волосы, уселся за стол.

– Чти там срочные! – приказал Павел.

Подьячий по очереди стал читать письма. Написано канцелярским языком, но вполне понятно. В общем – указания, ничего реально срочного. Павел поинтересовался:

– Какие происшествия случились?

Во всех оперативных службах обычно с этого вопроса начинался рабочий день.

– Один момент!

Вернулся подьячий с чиновником «стола приключений», который вел журнал о всех, ставших известными, происшествиях – убийствах, кражах, драках с поножовщиной, разбоях. Павел пробежал взглядом журнал. Написано каллиграфическим почерком тушью. Единственно, что мешало читать – знаки «ять». Знаки эти были отменены советской властью после октябрьского переворота 1917 года. Драка в трактире, ничего серьезного, карманная кража, ущерб невелик – три рубля.

А вот это существенно – убийство на Адмиралтейской. Улица в центре, бедные там не живут, дома частные, а не доходные, не дома, а хоромы. Многие из домов старой постройки до сих пор хорошо сохранились, ибо строили добротнo, на века. Не чета нынешнему массовому строительству, где используется труд гастарбайтеров. Выглядит неплохо, а по сути – недолговечно и уж двести лет точно не простоит.

Судя по записи, на происшествие поехал полицейский урядник Абрикосов. Фамилия известная, но в Москве. Вроде промышленник, владелец кондитерской фабрики. Ничего нового в мире не появилось, судя по записям «стола приключений». Так же грабят, убивают. Надо бы съездить, посмотреть. Интересно, как эти полицейские дела расследуют.

– Я поеду на Адмиралтейскую, посмотрю.

– Как изволите, господин прапорщик. Пролетка у подъезда ждет. Только осмелюсь напомнить, через два часа ежедневное совещание у начальника Сыскного отдела.

Память услужливо подсказала фамилию.

– А разве Путилин уже приехал?

– Нет, но он, как всегда, точен.

– Спасибо, я не забыл.

И ехать недалеко, два квартала, но если на каждое происшествие пешком, то к вечеру подошвы сотрешь. Шутка, на полицейских сапогах подошва двойная. В таких зимой, да с теплым носком нога не мерзнет.

На пролетке доехали быстро. У искомого дома несколько человек. Один из них, судя по бляхе – дворник. Перед Павлом расступились. Он вошел в дом. Слуг и домочадцев не видно, но со второго этажа слышен разговор. Легко взбежал по лестнице. У дверей одной из комнат плачущая женщина, рядом две зареванные девицы.

– К убитому вчера посторонние не приходили? – из комнаты мужской голос.

И в ответ, тоже мужской:

– Никак нет-с. Мимо меня мышь не проскочит!

– Не сам же он себя убил? Стало быть – был посторонний.

Павел прошел в комнату. На ковре, на левом боку лежал убитый, мужчина лет пятидесяти, в костюме-тройке. Под головой кровавая лужа расплылась. Увидев вошедшего Павла, со стула вскочил полицейский урядник, в звании вроде старшины. Павел – прапорщик, по-армейски – лейтенант. Был еще офицерский чин поменьше – подпрапорщик, соответствующий младшему лейтенанту.

– Убийство, Павел Иванович! – доложил урядник. – Мыслью – тяжелым предметом по голове ударили.

– И где этот предмет?

– Не обнаружен.

– Из карманов, из комнаты что-либо пропало?

– Не могу знать!

– Женщин допросить надо было.

– Виноват, не успел.

Павел подошел к женщинам.

– Кто обнаружил тело?

– Я.

– Представьтесь.
– Лукерья, жена хозяина.
– Во сколько это было?
– Без четверти одиннадцать. Я смотрю – свет в комнате горит. Чего керосин попусту жечь? Открыла дверь, а он...

Женщина снова заплакала.

– К убитому подходили?
– Было такое. Сначала подумала – плохо ему, а как кровь увидела....
– Не дотрагивались? Я имею в виду – пытались помощь оказать?
– Не было, он уже не дышал.
– Теплый или остыл?
– Не помню.
– Портмоне у хозяина при себе было? В карманах?
– Зачем его дома носить? В горке хранил.

Горкой называли письменный стол для работы стоя, столешница наклонена, чернильница стоит. Вдова подошла, откинула столешницу. Там стопка бумаги, очиненные гусиные перья, песочница с сеяным мелким песком – написанное присыпать, чтобы не смазать. И здесь же кожаное портмоне. Павел взял его в руки, раскрыл, показал содержимое женщине.

– Все здесь? Или пропали деньги?

В портмоне пачка бумажных банкнот разного достоинства. Грабитель не взял бы часть, прихватил все. Похоже, версия ограбления отпадает.

– Ценные предметы, может быть, пропали? Перстень или табакерка?
– Господь с вами, сударь, не курил он и табак не нюхал. А кольцо обручальное на пальце до сих пор.

– Может быть, ссорился с кем-то?

Женщина переглянулась с девицами.

– Вроде нет.

Павел почувствовал – неправду говорит.

– Члены семьи все на месте?

– Сына нет, Прохора.

– Где же он, позвольте спросить?

– Не знаю. Вчера был дома.

– Где-нибудь служит?

– Да нигде он не служит! – выступила вперед одна из девиц. – Только и знает, что в карты играть.

Это уже интересно. В карты могли проигрываться состояния. Не это ли явилось причиной ссоры и убийства? Но какие нервы должен иметь убийца, если это сын? Ударил папеньку и смылся? Куда?

– Родня еще в Петербурге есть?

– Нет, мы сами тверские, здесь еще не обзавелись.

Надо срочно проверить, где сын убитого. Складывалось впечатление, что он каким-то боком причастен к трагическому событию. Павел подошел к уряднику.

– Берите девушку, похоже – она знает, где ее брат может находиться, постарайтесь доставить сюда. И поаккуратнее, без применения силы, по возможности.

– Слушаюсь!

– А я отправлюсь в Сыскное отделение.

Урядник с девушкой вышли. Павел посмотрел на часы, откланялся. Как быть с трупом, он не знал. Надо срочно изучать наставления, приказы, свод законов империи. Без этого плохо. В свое время отправил бы труп на судмедэкспертизу. По крайней мере, была бы установлена

причина смерти, но есть ли в Петербурге такие врачи? Вроде бы должны быть так называемые полицейские врачи. Но где они, каковы их функции, он не знал.

Павел поторапливался. Одно дело на пролетке ехать, другое дело пешком. На тротуаре полно людей, не будешь же расталкивать? Едва-едва успел. Интересно было посмотреть на начальника Сыскной полиции. В дальнейшем Путилин Иван Дмитриевич стал легендой сыска.

Современники считали его человеком одаренным, наблюдательным, добродушным и вежливым. Но очень смелым. Своим продвижением по службе и наградам обязан только своему умению видеть то, что другие не видели, аналитическому складу ума, способности делать выводы. Начинал полицейским чином, в звании титулярного советника в отделении полиции рядом с Сennым рынком. Там поднаторел в раскрытии карманных краж и разбоев. В декабре 1867 года получил коллежского асессора, в январе 1870 надворного советника. И дорос до действительного статского советника, чина гражданского, приравненного к генерал-лейтенанту в армии.

Сыскная часть расположена на углу набережной канала Грибоедова и Львиного переулка. А полицейская управа на Садовой улице.

В кабинете Путилина уже три офицера, Павел был последним. Остальные в Сыскной полиции – нижние чины. По моде тех лет Иван Дмитриевич имел пышные бакенбарды. Моду такую завел государь Александр II. Чиновники, как это водится, императору стали подражать.

Путилин поприветствовал собравшихся, открыл «книгу приключений», как назывался журнал происшествий, зачитывал криминальные события, спрашивал – кто конкретно занимается и есть ли какие-нибудь наметки по делу. Спрашивал Иван Дмитриевич по старшинству. Первым отвечал ротмистр. Павел слушал внимательно, на лету хватал образец для ответа и сумел достойно доложить.

– Все свободны, уезжаю к Федору Федоровичу на совещание.

Федор Федорович Трепов был обер-полицмейстером Санкт-Петербурга. Именно по его предложению была создана Сыскная полиция, и он предложил кандидатуру Путилина, разглядев в полицейском задатки отличного сыщика.

Российской империей управлял царь Александр II, сменивший Николая I. Удостоен был эпитета «освободитель» в связи с освобождением крестьян от крепостного права в России и победой в войне за независимость Болгарии от османского владычества. Жаль только, недолго помнили болгары, кому обязаны свободой. И в Первую и Вторую мировые войны выступали на стороне немцев против «братушек», да и в более близкие времена на них надежды не было. То красный свет строительству газопровода включают, когда значительная его часть, морская, уже построена. То запретят строительство атомной электростанции в Беляне, когда по подписанному контракту уже строительство идет. То памятник русскому солдату Алеше осквернят, то запретят пролеты российских самолетов над своей территорией.

Пожалуй, Александр II, как никто другой из императоров после Петра I, провел больше всего назревших реформ. В 1857 году ликвидировал военные поселения, в 1861 году отменил крепостное право, в 1863 году провел финансовую реформу, в этом же году реформировал высшее образование, в 1864 году прошли Земская и Судебная реформы, в 1870 году реформа городского самоуправления, на следующий год – реформа среднего образования, в 1874 году военная реформа.

По Ключевскому: «Александр II досталось обременительное наследство. Он не хотел показаться лучше, чем был, и часто был лучше, чем казался».

За период его правления Российская империя приросла Средней Азией, Северным Кавказом, Дальним Востоком, Бессарабией, Батуми.

В 1867 году Русская Аляска была продана Америке за 7,2 миллиона долларов. По договору Россия передала Японии все Курильские острова в обмен на Сахалин. Уступки на два-

дцать лет обеспечили нейтралитет США и Японии для России на Дальнем Востоке. В 1858 году по договору с Китаем Россия получила Забайкалье, Хабаровский край, часть Маньчжурии.

Но некоторые реформы запоздали, разразился экономический кризис. Устойчивый рост показывало развитие железных дорог.

Павел не подозревал, что ему лично придется встретиться с государем. Он вновь направился на Адмиралтейскую, в дом, где произошло убийство. Туда уже вернулся урядник, да не один, с уловом, сыном убитого. Сын был изрядно пьян и «поплыл».

– Не хотел я папеньку убивать, случайно вышло.

– Урядник, засвидетельствуйте показания, для суда пригодятся.

Незатейливое какое-то отцеубийство и убийца – слабохарактерный недоумок. Талантов хватило только проматывать отцовские деньги. Оставшуюся часть дня Павел изучал законы Российской империи. В его кабинете, в книжном шкафу собраны все тома, вместе с поправками, а также уложения, постановления. Понятно, что за три часа только несколько страниц одолел, все же не беллетристика легковесная. Еще один том забрал домой. Телевизора, как и интернета, нет, так проведет время с пользой.

В бумажнике обнаружил несколько бумажных купюр и мелочь, решил на обратном пути заехать в «Пышечную», сохранившуюся до современных дней. Заведение было широко известно всем петербуржцам и многим гостям города и располагалось на углу Невского проспекта и Большой Конюшенной. Туда отвезла его пролетка.

– Ждать? – спросил кучер.

– Езжай!

Боже, какие восхитительные ароматы! В пышечной народу полно. Выбор пышек, пирожных, пирожков – огромный. Чай горячий, ароматный, из самовара, к чаю подавали кусковой сахар.

Подкрепившись, повеселел, отправился на съемную квартиру. Мысль мелькнула – далековато он живет, надо бы поближе к службе найти. Многие так и делали. Проезд на извозчике дорог, конка ходит редко, особенно зимой. Однако жилье в центре совсем не дешевое, Павел предполагал. В его время было так же. Учитывая служебный транспорт, можно было повременить.

На квартире разделся, нашелся домашний халат и тапочки. Мысль мелькнула. Каков был этот Кулишников? Ведь полный его тезка! А может, и не тезка, а он сам, только в другом измерении. Ну не должно совпадать всё – имя, фамилия, внешность. А еще занятно было, что он надел халат и тапочки, хотя был брезглив и никогда чужих вещей не носил. Обычно чужие вещи пахнут прежним хозяином, а теперь он запахов не уловил, как будто вещи после стирки. Начал читать нехотя, потом увлекся. Начало темнеть, и он зажег свечи в канделябре и оторвался от свода законов, когда в комнате хозяйки, через стену, настенные часы пробили полночь. Спать пора, завтра наверняка день не из легких, потому как не знает толком ни сотрудников, ни законов, тех многих деталей, которые отличают новичка.

Ближе к обеду его вызвали к Путилину.

– Присаживайтесь, голубчик. У меня к вам деликатная просьба.

– Помогу, если это в моих силах.

– Сейчас объясню. Попал я вчерашним вечером в неприятную ситуацию. Возвращался из Парголова в столицу на одноколке. И вдруг из темноты четверо мужиков, да с топорами. Один лошадь под уздцы схватил, а трое подступились. Требуют бумажник отдать, не то зарубят. Один из тех, что совсем с цепи сорвался, готов был топор в дело пустить. Главарь остановил. Бумажник из сюртука вытащил, а другой часы на цепочке из часового кармана выхватил, причем цепочку дернул так, что петлю на брюках порвал. Бога благодарю, что жив остался.

– Совсем обнаглели! самого начальника Сыскной полиции ограбили!

– О том никому пока!

– Велика ли потеря?

– Часы жалко, подарены Федором Федоровичем за службу, с дарственной гравировкой, известной фирмы «Буре и сын». Полагаю, рубликов сто стоят, как не больше. И в бумажнике двести тридцать было.

– О!

Отобрали половину месячного жалованья Павла, если по количеству судить. А Путилин продолжил:

– Мыслю я, это как раз «парголовские черти». Точно сказать не могу, они обычно жертв своих убивают. И лиц в темноте я толком не разглядел, уж очень темно было.

«Парголовскими чертями» называли жестокую банду, около полугода терроризировавшую жителей пригорода столицы. Грабили только в темноте на дорогах. Местные уже знали, по вечернему времени не ездили. А кто транзитом следовал в столицу – вот же они, уже огни города видны – жестоко расплачивались за свою торопливость и беспечность.

И Путилин едва не пострадал, ибо оружия с собой никакого не брал, иногда только кастет.

– Прикажете сыскное дело завести, Иван Дмитриевич?

Путилин фыркнул возмущенно.

– Полноте, сударь. Мщения желаю и поимки. Вы, как человек не семейный, да из драгун-нов, очень могли бы помочь.

– Внимательно слушаю.

– Данилу Плещеева знаете? Себя шире и силы немереной, жеребца на спор поднимал. Полагаю маскарад устроить. Данилу в женское платье одеть, в темноте усы-то видно не будет. Он со мной в коляске, а вы ездовым, уж простите.

– Вроде как на живца хотите людишек разбойных выманить?

– Абсолютно точно!

– Я согласен! – выпалил Павел.

– Затея опасная.

– Я готов.

– Тогда приготовьте оружие. Револьвер, только не в кобуре. И палаш обязательно. И в цивильном.

Палаш – вроде длинного кинжала. С шашкой несподручно, ее не спрячешь, да и мешается. А палаш – штатное холодное оружие артиллерийских расчетов. Под полу верхней одежды спрятать можно и применить в нужный момент. Путилин продолжил:

– И я вооружусь, и Данила. Тогда встречаемся в восемь вечера. Проедемся до Парголово и назад. Думаю – после полуночи кататься уже бесполезно. Да и на следующий день всем на службу.

– Разрешите идти?

– Павел Иванович! – укоризненно покачал головой Путилин. – Вы уже не в армии.

– Но на государственной службе!

– Можете быть свободны.

В своем кабинете Павел проверил револьвер. Вычищен, заряжен, вот только не стрелял из него никогда Павел. Упущение большое, личное оружие должно быть пристреляно. Получил под роспись у урядника палаш. В потертых ножнах, явно побывавший в боях, потому как на клинке зарубки есть. Зато без ржавчины и смазан, из ножен выходит свободно и беззвучно. После службы, когда в отделении остались только двое дежурных, на пролетке доехал до съемной квартиры, переоделся, поужинал и снова в отделение. В коридоре едва не испугался. Навстречу ему тетка дородная и с усами.

– Фу ты, Данила! Напугал.

– Я сам себя в зеркале испугался! Ха-ха!

Уселись в пролетку. Павел на место ездового, на передок взгромоздился. Путилин и Данила на мягкое сиденье. От лошади сильно пахло терпким потом. Пролетка мягко покачивалась на рессорах. По Невскому народ гуляет, все в нарядах добротных. Выехали за город, не спеша добрались до Парголово, дали лошади отдых. Данила с наслаждением выкурил папироску. Отправились в обратный путь. И, как назло, никакого нападения. На следующий день поездку повторили, снова безрезультатно. И еще одну, с нулевым эффектом. С каждой поездкой Путилин мрачнел. Получается, он, начальник Сыскной полиции, кавалер четырех орденов и медали, не может изловить грабителей, людей примитивных, алчных и жестоких. Повезло на четвертую ночь. За предыдущие поездки устали. Днем работа, а потом полночи в напряжении. И это сказывалось, Павел ловил себя на мысли, что хорошо бы запереть дверь и хоть пару часов вздремнуть. Голова соображала туго, отвечал он на вопросы с задержкой.

И в эту ночь выехали уже без особой надежды на успех. Не зря говорят, Бог помогает терпеливым и настойчивым. Не успели отъехать от последней городской заставы на пару верст, как из ночной темноты появились грабители. Все шло по сценарию, описанному Иваном Дмитриевичем. По всей видимости, роли у грабителей были расписаны. Один сразу к лошади, схватил за уздцы. Двое к пролетке справа, один слева, чтобы не сбежал никто. У всех в руках топоры. В умелых руках оружие страшное. А на Руси издавна каждый деревенский мужик умел с топором обращаться мастерски. Никто не успел ни слова сказать, как Данила треснул грабителя огромным кулаком по харе. Тот без звука рухнул. И Павел, и Путилин схватились за палаши. Ими сподручно топоры отбивать. Пока револьвер выхватишь, пока курок взведешь, ибо самовзвода не было, можно схлопотать удар топором. Но грабители не убоялись, вступили в схватку. Еще неизвестно, кто одержал бы верх, если бы не Данила. Еще один удар кулаком в грудь бандита. Хруст костей, вопль – и еще один повержен. На другого оба сыщика навалились разом, топор из рук выбили. Павел применил удушающий прием, грабитель и обмяк. Четвертый, державший лошадь, видя, как развиваются события, бросился наутек.

– Держи его! – закричал Путилин.

Павел принял команду на свой счет, побежал. Ориентировался по топоту ног убежавшего бандита. На ходу ухитрился палаш в ножны убрать, достать из внутреннего кармана револьвер, взвести курок и выстрелить. Целился вниз, по ногам. Для него было важно захватить живого грабителя, чтобы допросить можно было, а лучше всего награбленное вернуть. Особенно хотелось часы карманные Путилину возвратить. Грабитель только ходу поддал. Павел закричал:

– Стой! Буду стрелять!

На мгновение остановился, повел оружие на звук ног, нажал спуск. Вспышка выстрела ослепила. Да о чем говорить, если патроны шпилечные, допотопные, заряжены дымным порохом. В ночи дыма не видно, а белым днем было бы целое облако. Грабитель завопил и упал. Павел подбежал.

– Кричал же – стой! Куда тебя?

– Ой, в ногу! Как палкой ударили, не чувствую!

– Оружие есть?

– Нож-складенец.

– Давай сюда.

О! Ничего себе складенец. Лезвие едва не в локоть длиной. Павел нож в свой карман убрал.

– Вставай, идем к пролетке.

– Больно!

– Сам виноват. Топай, не зли! А то я еще выстрелю, уже в башку твою глупую!

Троих у пролетки уже Данила повязал. Полицейский не церемонился, узлы завязывал крепко. Одного, которого он первым ударил и который все еще без чувств был, положили под ноги седокам. Раненого усадили на передок, соседом к Павлу. А еще двух веревками к экипажу

привязали. Лошадь медленно пошла к городу. Тяжеловато ей с таким грузом. За пролеткой семенили грабители. До Сыскной полиции добирались долго, сдали задержанных в кутузку. Было такое зарешеченное помещение, ныне его называют «обезьянником».

Ехать домой? Спать уже некогда. Да и грабителей по горячим следам допросить надо. Если в банде другие члены есть, узнав об аресте, разбегутся, ищи их потом. Так думал Павел, и так решил Путилин.

– Павел Иванович, голубчик! Все понимаю – устал, спать хочется. Но надо бы допросить грабителей. Вам двое, мне двое, до утра управимся.

В принципе, так и надо действовать, пока разбойники в шоке от задержания, в себя не пришли.

Помощь раненному в ногу бандиту оказал полицейский Данила. В армии научился, и в полиции часто приходилось помощь оказывать раненым. Доктора-то поди найди, а «скорой» не существовало в принципе. Да и будь она, как вызвать карету к пострадавшему? Перебинтовал, кровь остановил, а пулю из раны доставать уже доктор в тюрьме будет, если раньше не повесят. За «парголовскими чертями», как прозвали банду в народе, не только грабежи, а и смертоубийства. Закон за такие преступления карает сурово: или виселица, либо каторга, на которой долго не живут, слишком суровые условия в Сибири. Работы для каторжников тяжелые, в каменоломнях, на рудниках. Для уголовников условия намного жестче, чем для политических.

Если Павел допрашивал разбойников жестко, то Иван Дмитриевич вежливо, чего разбойники не заслуживали. Оказалось – все из Парголовского пехотного полка, солдаты должны были демобилизоваться и решили домой вернуться с «капиталом». Парни деревенские, насмотрелись, как городские живут, завидно стало. И не придумали ничего лучше, как грабить. Мало того, жажда наживы была столь велика, что не останавливались перед убийствами. Рубили топорами даже женщин, снимали с убитых украшения, стягивали кольца и перстни.

И если бы не такая подвижная ловушка на «живца», то их бы поймать не удалось, поскольку через несколько дней солдаты уже поехали бы домой. Ценности, добытые несправедливым путем, хранили в общем тайнике. Путилин и Павел сразу решили содержимое тайника изъять. Если кто-то из сообщников остался на свободе, может воспользоваться. Взяли с собой самого «разговорчивого», который не стал запереться, и снова в пролетку. Лопату прихватили, на облучке ездовой сидит. Утром рано, едва рассвело, уже прибыли на место.

– Тут, – ткнул пальцем под большую сосну разбойник.

– Бери лопату и копай! – приказал Павел.

Сам взял в руки револьвер, предупредил:

– Вздумаешь бежать, башку прострелю без предупреждения и оставлю в этой же яме.

– Грешно не отпевать, – ответил разбойник.

– А ты других убивал и не отпевал? Или свечи в храм ставил, святцы читать священнику заказывал? Не зли меня, копай.

Земля рыхлая, копать легко, да и зарыты ценности были не глубоко. На два штыка лопаты углубился разбойник, как железо лопаты звякнуло о железо сундука. С трудом вытащили из земли деревянный сундук, окованный железными полосами, откинули крышку. Путилин сразу показал пальцем:

– Мои часы и бумажник!

– Иван Дмитриевич, лучше бы вам забрать. Иначе только после суда вернут, как без часов-то?

– Верно.

Павел сам и бумажник достал и часы. Путилин открыл крышку, часы остановились, запас хода за четверо суток иссяк, стрелки застыли. Иван Дмитриевич определил часы в часовой карманчик на правой стороне брюк, прицепил цепочку. И бумажник открыл. Деньги были на месте.

Павел распорядился кучеру:

– Грузите сундук вместе с разбойником. Да не на запятки, а нам под ноги.

За сиденьем для пассажиров была площадка, на которую ставили сундуки путешествующих. У богатых были кожаные кофры. Они легче, элегантнее, чем деревянные сундуки. А чемоданов еще не было. Если вещей не много, везли в саквояжах. Грузить сундук с ценностями на запятки небезопасно.

Добрались до Сыскной полиции к полудню, втащили сундук в помещение. Путилин сразу приказал составить опись содержимого. Опись проводили при двух свидетелях, как положено по закону. Описывать долго, поэтому привлекали дворников. Они всегда сотрудничали с полицией. Обычно дворниками работали татары, трудились добросовестно, на улицах чисто. Вообще некоторые сферы деятельности захватили явочным порядком. Например, почти во всех ресторанах официантами были молодые мужчины из Твери. И место передавалось по наследству. Многие лодочники – чухонцы. Весь Петербург стоял на реках и ручьях и без лодки во многие районы города добраться затруднительно. Изначально на Васильевском острове улиц не было, а по примеру Голландии каналы, и назывались они линиями. После смерти Петра каналы пришли в запустение, их засыпали, а название «линия» осталось. Именно линии, а не улицы, проспекты, переулки или тупики.

Путилин позвонил Павла.

– Павел Иванович, главное сделано. «Парголовские черти» под замком, награбленное изъято. Езжайте домой, голубчик, отдохайте. А завтра с утра дело оформлять и в суд.

Сыскная полиция работала быстро. Если злодей задержан и доказательства есть, нечего его содержать. Суд решит, куда его определить. На каторгу, на виселицу или в тюрьму. Членовредительством, как то: выжиганием клейма с надписью «ВОР» на лбу, либо вырыванием ноздрей, отрезанием языка – уже не занимались.

Павел уснул прямо в пролетке, и разбудил его извозчик:

– Господин Кулишников! Мы на месте!

– Спасибо, братец! Что-то сморило меня.

В комнате разделся и спать. Какое же это счастье – спать в уютной постели вволю! А утром проснулся с мыслью: «Какой сегодня день недели? На службу он ходит уже шесть дней. Или семь? Должны же быть выходные? Понятно, что у полицейских ненормированный рабочий день, переработки как правило. Надо узнать у хозяйки. Хотя нет. Иван Дмитриевич говорил – сегодня оформлять дело и подавать в суд. Все равно выпался, дома делать нечего. Надо бы найти квартиру поближе к службе. Очень много времени уходит на дорогу. А надо бы так, что пешком да неспешно пять-десять минут».

На службе взял образец дела, все оформил, перепроверил. Непривычно писать гусиным пером и тушью. С непривычки испортил два листа, тушь упала, кляксы получились, пришлось листы переписывать заново. Уже и «яти» стал ставить, где надо. Закончив дело, подошел к дежурному надзирателю.

– Не подскажете, как можно комнату или квартиру поближе снять?

– Да чего проще? Вон в ведомостях объявления. Берите, читайте.

На столе у дежурного лежали «Невские ведомости». Павел снова уселся за стол в кабинете. Одно объявление показалось интересным. Судя по адресу – рядом. Вернул газету дежурному, спросил – далеко ли адрес? Для перепроверки. Все же многие улицы имели другие названия. После революций и Великой Отечественной войны массово переименовывали, потом нагрянула демократия, и улицы снова стали переименовывать. То прежние, дореволюционные имена возвращали, то новые давали. И с памятниками такая же вакханалия. Сносили, ставили на их место новые.

Отправился смотреть. Действительно, от отделения Сыскной полиции – один квартал. Сейчас рядом с этим адресом стоит храм Спаса-на-Крови, на месте гибели императора Алек-

сандра II. Частный одноэтажный дом, для квартиранта отдельный вход, комната меблированная и цена подходящая – четыре рубля в месяц, ежели без пансиона. А ежели завтракать и ужинать, то восемь. Павел договорился о полупансионе – только завтрак. Вручил задаток и получил ключи. Завтра первое июня, начало месяца, сегодня можно переехать. Пришлось нанимать извозчика. Вроде не семейный, а вещей набралось много – форма летняя, зимняя, парадная, по две пары обуви к сезону, да головные уборы, бритвенный прибор, да прочего набралось так, что всю пролетку загрузил. К вечеру же и все вещи развесил в шкафу. Возня утомила, зато радовала перспектива поспать на полчаса больше. Павел по определению был совой. Спать любил ложиться поздно и так же поздно вставать.

В понедельник предупредил дежурного о смене адреса. Случись вызвать на происшествие, чтобы нашли сразу.

А немного позже Путилин его удивил, да не только его. Павел в кабинете сидел, когда из коридора донесся шум. Вышел любопытствовать. У стола дежурного старик сидит с окладистой бородой, по одеянию – селянин, на голове колпак, на ногах – плетеные лапти. Одно слово – беднота. И дежурный ему втолковывает:

– Тебе не сюда, дед. Здесь серьезное заведение, полиция. Всяких супостатов ищем. А будешь отрывать от работы, вытолкаю взащей.

А селянин вдруг расхохотался. Бороду снял и колпак, и перед Павлом и дежурным предстал Иван Дмитриевич собственной персоной.

– Как я вас провел?

А ведь действительно, начальника никто не признал. А всего-то накладная борода, немного грима и другая одежда. Тогда не знал Павел, как и многие сотрудники Сысского отдела, что Путилин мастер по переодеванию. То в священника вырядится, то в солдата, а то и босняка из низов, как сегодня. Прямо актер в Путилине умер. И переодевался в дальнейшем Иван Дмитриевич часто. Причем переодевания помогали делу, позволяли выходить на след подозреваемого.

А еще, поскольку первое число месяца, после обеда прибыл на пролетке казначей полиции с охранником, вооруженным полицейским. Холодное оружие имели все полицейские, а с огнестрельным хуже. Всего имелось револьверов на тридцать процентов от штатной численности. Позже, когда появился русский «смит-вессон», оснащенность возросла, но не до конца. И только после массовых выступлений 1905 года, да с производством дешевого и надежного «нагана», револьверы имели уже все полицейские. Никто из власть предержащих подумать не мог, что волнения могут быть массовыми. Ведь царственная особа, это посланник Божий, данный народу на управление. А народ стал бунтовать, подстрекаемый разного рода партиями. К сожалению, все силовые структуры зреющее недовольство проморгали. А если кто из агентов и докладывал, то начальство отмахивалось. Власть считала главным злом уголовников, к политическим относились снисходительно. Мол, бузят по молодости, по недомыслию. Политический ссыльный вместе с уголовником не находился, мог брать в ссылку до 5 пудов багажа (80 кг). Им, в отличие от уголовников, дозволялось носить собственную одежду, а не арестантскую робу, пользоваться постельными принадлежностями. Они могли приобретать в тюремной лавке один раз в неделю продукты и предметы обихода. Имели право читать газеты и журналы, могли общаться между собой, им давали свидания с родными, но не более двух раз в неделю.

Режим более чем лояльный. Не вразумились, подстрекали народ. Кончилось потом все февральской революцией 1917 года и октябрьским переворотом. Страна, имевшая полновесный золотой рубль и пятую экономику в мире, скатилась к гражданской войне. Знали бы еще революционеры, что многие из них закончат свою жизнь в 1937 году.

Жалованье получили все, ходили довольные. И Павел получил свои сорок рублей, жалованье полицейского прапорщика.

По заведенному порядку офицеры вечером пошли в трактир по соседству, попили пива, да с пирогами, пообщались. Такие посиделки были редки, но сотрудников сплачивали.

Глава 2

Лодочники

В Петербурге появилась банда, грабившая дома. Причем не только грабили, но убивали домохозяев. Обер-полицмейстер Трепов приказал Сыскной полиции в кратчайшие сроки сыскать злодеев и задержать. Дело резонансное, как правило, грабили и убивали людей в домах богатых – чиновников, купцов, промышленников.

На совещании офицеров у Путилина высказывались разные версии. Сначала думали – слуги были наводчиками, зачастую из зависти, злобы. Так ведь и слуг убивали, что делало версию маловероятной. В городе росли и множились слухи об огромной банде. Люди состоятельные стали нанимать дополнительную охрану. Сыскной отдел озадачил всех информаторов. В среде низшего сословия такие были. Кто-то доносил за деньги, другие – чтобы от полиции было послабление, не посадили за проделки, пусть и не очень серьезные, но незаконные. Без информаторов нельзя, они были и будут во все времена и в любой службе, как бы она ни называлась. Достоверные сведения изнутри банды можно получить только от людей, действующих в самой группировке. Они знают членов, место их жительства, о совершенных преступлениях и готовящихся. Но пока никакой «стукач» никакую информацию дать не мог.

И Путилин решил вечером попытать счастья сам. После службы переоделся, надев тряпье, измазался грязью, взлохматил волосы, в общем, выглядел настоящим мошенником, бродягой. И отправился в трактир у Сенного рынка. По прежней службе знал, что место это злачное, порядочные люди туда не заходят, опасаясь быть ограбленными или избитыми. Были слухи, что и водка там продается не казенного производства, а кустарного и скверного качества. Уже само это было серьезным нарушением закона со стороны владельца трактира. Но по поговорке: не пойман – не вор. Хотя и служил прежде в этом районе Иван Дмитриевич, а не боялся, что узнают его, настолько «маскарад» изменил облик. Водочки заказал, закуску скромную – ржаной хлеб и селедку. Незаметно для окружающих ухитрился водочки на себя плеснуть, для запаха, чтобы не усомнился никто, что пьяница перед ним. Да еще с трактирщиком рассчитался мелкими медными деньгами, якобы милостыня, собранная на паперти. Ну не расплачиваться же десятирублевой ассигнацией, новенькой и хрустящей, пахнувшей краской? Сидел за столом, подперев голову рукой, внимательно слушал разговоры вокруг. Народу в трактире все прибывало, уже тесно сидели, после выпитого говорили громко, особо не стесняясь. Да и кого? Вокруг все свои, гопота, воры, насильники, грабители, можно сказать – близкие по духу.

Заинтересовавший его разговор случился ближе к полуночи. Посетители все под хмельком, уже и драки вспыхивали. Здоровенный вышибала не церемонясь хватал драчунов за ворот, выволакивал на улицу. Деритесь там, а в трактире должен быть порядок, чтобы ни посуда не пострадала, ни мебель. Хотя мебель пострадать никак не могла. Лавки и столы массивные, деревянные, такие кувалдой не сломать.

А услышал Путилин слова о купце Шумилине, ограбленном три дня назад. Самого купца и жену его спасло то, что у родни ночевали. А двух слуг, вступившихся за хозяйское добро, убили ножами. Добро-то все равно забрали, и много. Один-два человека унести столько не смогли бы, отсюда Путилин делал вывод, в шайке не менее пяти человек орудовало. Одежды вынесли много – шубы, шапки, да еще товаров, припасенных для продажи. А торговал Шумилин тканями, и каждый рулон весил немало, а таких пропало восемнадцать.

С виду говорившие о Шумилине похожи на мастеровых, судя по одежде, а вот руки не рабочие. Нет ни мозолей, ни въевшегося в кожу мазута. Мужички встали, направились к выходу. Почти сразу за ними Путилин. Мужички абсолютно не стереглись, никакого понятия о скрытности, болтали громко, не оборачиваясь. В ночи голоса хорошо слышны, и сыщик, отстав

от пьяненьких, слышал отчетливо разговор. Между тем мужики вышли к Екатерининскому каналу, ныне имени Грибоедова, спустились с набережной к реке, сели в лодку, отомкнув замок на цепи. Оба сели на весла, и лодка ходко пошла по течению. Путилину приходилось идти быстро, даже временами бежать.

Через версту с гаком Екатерининский канал пересекался с Крюковым. Лодка свернула в него, вышла к реке Фонтанке и опять вниз по течению и пристала к берегу у Мало-Калинкина моста. Фу! Сыщик перевел дух. Люди выбрались из лодки, прошли в дом. Путилин, немного выждав, подобрался ближе, рассмотрел номер. Домой отдыхать уже не пошел, скоро утро, направился в Сыскную часть, где вздремнул на коротком и неудобном диванчике у себя в кабинете.

Утром, на совещании с офицерами сообщил о мужиках, о разговоре. Самое занятное было в том, что в газетах фамилия купца не упоминалась, да и о самом происшествии упоминалось вскользь.

Павел напрягся, все время мелькала и исчезала какая-то мысль. Взял со стола «книгу приключений». Зачитывал криминальные происшествия и втыкал булавку в адрес на карте. Двенадцать грабежей с убийствами и все по набережным рек и каналов. Путилин сразу ухватил догадку.

– Лодочники? Награбленное на лодках увозили? Вот почему их свидетели не видели. Ни подвод, ни людей. А ведь ночью городовые службу несут, никто банду не узрел. Очень логично, Павел Иванович! Вопрос ко всем. Что мы можем предпринять? Устроить засаду? Не знаем адреса будущего преступления. Только перехватить лодку с бандитами и награбленным.

После обсуждения решено было дежурить по ночам на реках и каналах. Пять офицеров отдела, пять лодок, в помощь сыщикам по паре полицейских из околотков. Каждому офицеру определили местоположение на воде. В основном там, где были перекрестки водных путей. При такой расстановке малых сил удавалось контролировать центр города, на окраины уже личного состава не хватало. Да и сомневались офицеры, что разбойники будут орудовать там. На окраинах живет рабочий люд, мелкие лавочники, особо на грабеже не разживешься. Преступники далеко не дураки, выгоду свою видеть умеют.

Павел нашел еще одно упущение в Сыском отделе. То ли не видел его Путилин, то ли не хватало сил. На весь огромный город, не считая Путилина, четыре офицера по особым поручениям, двенадцать сыщиков в чине унтер-офицеров и двадцать человек нижних чинов.

А вопрос касался сбыта краденого. Грабители и воры забирают чужое добро, чтобы продать на рынке, выручить деньги – на выпивку и еду, продажных женщин, на обувь и одежду себе. Задержи сбытчика, сразу двух зайцев убьешь. Вернешь украденное владельцу и выйдешь на след преступника. По мнению Павла, стоило делать подробную опись предметов да человеку наблюдательному обходить рынки. Пойманный на сбыте краденого торговец отпираться долго не будет, ибо тогда сам пойдет под суд, как вероятный разбойник.

С советами Павел к Путилину не лез, такой инициативы начальство обычно не любит. Сказал как-то раз, Иван Дмитриевич отмахнулся. Немного позже сказал:

– На горячем преступников брать надо, а не на свидетельских показаниях. Найдется грамотный адвокат, скажет – он не скупщик, сам купил, да размер вещички не подошел, решил продать.

М-да, сложно. Ибо ни фото еще не было, ни отпечатков пальцев, ни химических меток на деньгах. Сыск только начинал свое существование, не имел опыта. Павел теоретически знал больше, чем весь Сыскной отдел. Но многие знания были неприменимы. Отличное доказательство – отпечатки пальцев с места преступления, а метода еще нет. ДНК биологических жидкостей – слюны, крови, но и его не существует. Вот и остается надеяться на интуицию, знание местных особенностей, логику.

К вечеру Павел поужинал, проверил револьвер. Его лодка должна была располагаться на пересечении Екатерининского канала и реки Мойки. Обе водные артерии довольно оживленные днем и пустынные ночью. Мосты есть не везде, на извозчике иной раз объезжать приходится. А реками, каналами пронизан весь город, на болотах построен и в устье большой реки. И на лодке зачастую добраться до нужного адреса быстрее. Многие зажиточные люди имели и выезд – пару лошадей с пролеткой, и лодку у причала рядом с домом.

Полицейский департамент имел речную полицию, правда, немногочисленную по личному составу. А на оснащении лодки и небольшой паровой катер. Вот эти лодки и полицейские были задействованы в придачу к сыщикам.

Речная полиция располагалась тогда в здании рядом с домиком Петра, недалеко от Петропавловской крепости.

Павел уселся в лодку, где уже находились двое полицейских. Они на веслах, он на руле. Для речных полицейских грести – дело обычное, набирались в это подразделение уволенные из флота по выслуге лет или перешедшие на службу, что тоже позволялось.

Гребли мощно, сейчас главное – уйти с Невы, с судового хода. На Неве течение быстрое и глубины большие, морские корабли до Биржи доходят от устья, а то и выше.

Идти под веслами пришлось далеко и против течения, но уже через час заняли позицию. Встали в тени набережной. Луна в эту ночь светила ярко, но с воды и набережной их не видно. Однако во вторую половину ночи диспозицию придется менять, встать на другую сторону канала, потому что луна сменит место на небосклоне.

Павел попросил полицейских не курить и не разговаривать. Над водой звуки разносятся далеко. Первый месяц лета, но от воды сыростью тянет, зябко. Павел пожалел, что легко оделся. Поверх гимнастерки можно было куртку набросить. По набережной проезжали редкие экипажи, на каналах движения нет. В ту пору люди спать ложились рано и с солнцем вставали. Электричества нет, а при лучине или свечке тонкую работу – писать, читать, шить – долго не выполнишь, глаза устают. Да и платить за свечи надо. Сальные подешевле, однако запах от них. Восковые дорогие, но пахнут приятно. Но хватит одной свечи не более чем на пару часов.

Павел посмотрел на часы. Еще час и можно заканчивать. Полицейские откровенно зевали, борясь со сном. Ночью и в неподвижности сложно не уснуть. Ба! Послышался всплеск, потом еще и еще. Полицейские встрепнулись. С Мойки на Екатерининский канал выскользнула лодка. Да не одна, а две. Позже оказалось, что на первой лодке гребцы, а вторая шла на привязи, на буксире. Гребцы на лодке работают слаженно, в такт, гребки мощные. Что это они перевозят во второй лодке? Нормальные люди, которым скрывать нечего, работают днем, а ночью спят.

– Стой! – закричал Павел. – Полиция!

Гребцы заработали активней.

– Хорош ночевать! За весла! – скомандовал Павел.

Полицейские принялись грести. А догнать не получается, скорости одинаковы. Павел достал револьвер.

– Приказываю остановиться! Или буду стрелять!

И для убедительности выстрелил вверх. А еще выстрелом подал сигнал – преследую. Вторым выстрелом из «Лефаше» прицельно по лодке, целясь в гребцов. Промазал, движение их подобно маятнику: согнутся – разогнутся. В темноте ни мушки, ни целика не видно. Но выстрел сыграл свою роль. Поперед лодки уже выгребал ялик с полицейскими с Крюкова канала. Казалось бы, на неизвестной лодке оказались в западне. И спереди и сзади полицейские. Но лодочники думали иначе. Один из гребцов ножом перерезал лямку к буксируемой лодке. И гребцы налегли на весла, желая скрыться. Но уже и Павел закусил удила. Он закричал полицейским с другой лодки:

– Держите лодку с грузом, а я за беглецами.

Сам привстал и открыл огонь из револьвера. Бах! Бах! Шесть выстрелов подряд. И все мимо. Лодка, в которой Павел, раскачивается от мощных гребков. Павел сел, с трудом перезарядил револьвер. Чертовы шпилечные патроны, очень неудобные при перезарядке даже днем, а в темноте вообще мучение.

– Суши весла! – приказал он.

Полицейские гребсти перестали, теперь лодку несло только течение, она слегка покачивалась с борта на борт. Павел снова встал. Выстрел, другой, весь барабан выпустил. На этот раз удачнее, на лодке беглецов вскрик и видны только два силуэта. Но уже и мост Мало-Калинкин прошли, впереди Невы. Смогут ли полицейские догнать? Павел недооценил Путилина. У места слияния Фонтанки и Невы маячил паровой катер.

Первые пароходы, называемые стимботами, появились в Санкт-Петербурге в 1815 году. Пароход был изготовлен на заводе Берда, имел маломощную паровую машину, развивал ход до 9 км/час и осуществлял движение между Санкт-Петербургом и Кронштадтом. В 1817 году пароходы появились на Волге, ходили между Москвой, Нижним Новгородом и Казанью. Паровая машина приводила в движение гребные колеса – либо два по бортам, либо одно на корме. Гребной винт появился только к концу века. Строительство пароходов продолжалось до 1959 года, а последний пассажирский пароход был снят с линии в 2012 году в Архангельске.

На катере слышали стрельбу, сразу насторожились, вывели паровик на середину Фонтанки. А уже по течению к ним несет лодку. Речные полицейские опытные моряки, направили катер на лодку, легкий таран в скулу лодки, и она перевернулась. Люди из лодки выпали, барахтаться стали, орать. Тонуть никому не хотелось. С катера бросали веревки с петлей на конце, по типу татарских арканов, вытаскивали людей на палубу, обыскивали и связывали. Из четверых, находившихся в лодке, вытащить из воды удалось троих. Четвертый не ушел, а будучи ранен Павлом, пошел на дно. Еще один был легко ранен в руку, так что стрельба Павла не пропала.

Паровой катер пошел вверх по Фонтанке, взяв на буксир лодку Павла. На перекрестке водных путей катер пристал к берегу. А здесь полицейские уже обыскивают лодку с грузом. В мешках – вещи, много, все в хорошем состоянии. Почти сразу появился Путилин. Сыщик был на пролетке, курсировал по набережной. А услышав стрельбу, поехал на звук. Тут же, на палубе катера, устроили короткий допрос. Задержанные были в шоке после погони и задержания. Да еще смерть приятеля морально угнетала. Сознались в грабеже дома на Мойке. Но Главара среди них не оказалось, он плыл на другой лодке. Задачей же этих гребцов было доставить награбленное на берег Финского залива, недалеко от устья Невы.

А дальше уже дело техники. Допросы, аресты тех, кого разбойники выдали, изъятие из тайников вещей, которые не успели продать, опознание хозяевами. И благодарность обер-полицмейстера и Сыскному отделу и речной полиции.

Павел же при первой возможности, как только появились в продаже в России револьверы Смита-Вессона, так называемой 3-й модели, русской, приобрел себе. Почти одновременно с ним появился «Кольт Нэви». В обращении проще, чем «Лефоше», патроны нормальные, не шпилечные и надежные. Револьвер – устройство точной механики, и такую освоили в Туле и Сестрорецке, близ столицы.

На суде грабителям и убийцам банды назначили каждому по семнадцать лет каторги.

А вскоре произошло происшествие, в дальнейшем изменившее место службы Павла. Рано утром 25 апреля 1871 года камердинер обнаружил в спальне на своей кровати тело задушенного князя Людвиг фон Аренсберга, австрийского военного агента, по-нынешнему – военного атташе, работника дипломатического. Скандал сильнейший! Например, убийство посла могло привести к войне. После убийства нашего посла Грибоедова в Персии шах вынужден был отдариться крупным бриллиантом, попавшим затем в хранилище Оружейной палаты, и принести извинения.

Как только Путилина известили об убийстве, он, прихватив с собой Павла и еще одного сыщика, выехал на пролетке на Миллионную улицу. На этой улице жили фабриканты, крупные чиновники, дипломаты. Дом, где проживал убитый, располагался рядом с Зимним дворцом. В квартиру убитого вели два входа, парадный с Миллионной улицы и черный, для прислуги, с тыльной стороны дома. С черного хода доставлялись дрова для печи, продукты. Князь имел шесть слуг, из них лишь один кухонный мужик проживал в огромной квартире постоянно, другие слуги на ночь уходили в свои жилища. Князь был холост в свои шестьдесят лет, любил проводить время по клубам и влиятельным знакомым, где перебрасывался в картишки. Он имел свой ключ от двери парадного подъезда, отпирал сам.

По приезде Путилин и его офицеры были немало удивлены большим скоплением народа. Кроме слуг, которых требовалось допросить, были еще лица высокопоставленные – принц Петр Георгиевич Ольденбургский, министр юстиции Пален, шеф жандармов граф П. А. Шувалов, австрийский посол граф Хотек, градоначальник Ф. Ф. Трепов. Как сказал Трепов, сам государь повелел регулярно докладывать о ходе расследования. Павел, как увидел массу народа в квартире убитого, охнул. Да они затопчут все следы! На месте происшествия никого не должно быть. Но попробуй сказать министру юстиции, что он тут лишний и даже вредит. Поэтому, каким бесстрастным стало лицо Ивана Дмитриевича, Павел понял, что он думает о том же. Начальство потолкалось, дали кучу наставлений, абсолютно бестолковых.

Один Шувалов, шеф жандармов, ситуацию оценил, подхватил австрийского посла под локоток и увел. Наконец-то покои освободились, сыщики приступили к осмотру тела. В комнате беспорядок, видимо, убийцы что-то искали, вещи разбросаны. Для начала начали допрос камердинера.

– А скажи, любезный, что могло пропасть у князя ценного?

– Дозвольте ящики осмотреть?

– Обязательно, как без этого.

Камердинер действовал быстро, четко и вскоре доложил:

– У князя были французские золотые монеты, двадцать штук, золотые часы-луковицы, два ордена иноземных, серебряная мыльница, три револьвера, а еще... шляпы-цилиндра нет. Он вот здесь обычно лежал.

Камердинер показал на край письменного стола.

– А это что? – Путилин указал на крепкого дерева сундук, окованный железными полосами и прикованный железными цепями к полу.

Такой сундук больше на сейф похож. Путилин подошел, подергал крышку сундука. Не поддается.

– Хранилище для дипломатических бумаг, – ответил камердинер. – Князь там и свои личные вещи хранил и служебные.

– Откуда знаешь?

– Я у князя несколько лет служу, иногда он при мне открывал, удалось увидеть.

Путилин беседовал с камердинером долго, выяснил привычки князя, круг его знакомых. Впрочем, расследование это не продвинуло ни на шаг. Среди приятелей и знакомых либо иностранные дипломаты, либо русские дворяне. Вряд ли они пойдут на убийство ради нескольких золотых монет. При допросе других слуг выяснилась интересная подробность, только вчера днем приходил Гурий Шишков, уволившийся три месяца назад. Якобы князь не все жалованье ему отдал. Князя он не дождался и ушел. Путилин тут же послал офицера в адресный стол полиции, узнать адрес бывшего слуги князя. Однако он там не числился. Через стукачей удалось узнать адрес его жены, проехали на пролетке. Оказалось – муж вернулся из тюрьмы, где отбывал двухмесячный арест за драку, но где он, она не знает.

Тюрьма никого лучше не делает, не исправляет, а только удаляет из общества на время, а то и навсегда человека, преступившего закон. Побывавшим в тюрьме Путилин не верил.

Соблазн украсть, обогатиться, не затрачивая труда, всегда велик. И устоять могут только люди, крепкие духом, для которых честь и порядочность не пустой звук. Путилин через нижних чинов оповестил всех информаторов – искать Шишкова, причем срочно. Сам же переоделся, как и другие офицеры, отправился по значным местам.

В трактир «Избушка» попал Павел. Его задачей было посидеть, послушать и, если ничего интересного для расследования не будет, посетить еще два трактира по соседству – «Калач» и «Три великана». В первом же повезло. За стойкой разговаривали два трактирщика. Один говорил второму, что утром был Гребень, за выпивку хотел рассчитаться золотой монетой не российского производства. Трактирщику она показалась мала по весу, да и вид незнакомый, брать такую монету он отказался. Тогда Гребень рассчитался ассигнацией. Павел, как услышал про монету, сразу вспомнил слова камердинера о французских золотых монетах. Подойдя к трактирщику, назвал его шепотом, дабы не все слышали, что он из Сысской полиции, попросил уединенного разговора. Уже в подсобке удалось выяснить, что Гребень это Гребенников, завсегдатай трактира, бывает здесь часто, но золотом никогда не расплачивался. И даже адрес трактирщик назвал.

– На Знаменской улице, третий дом с угла, доходный дом купчихи Пантелеевой, там он проживает.

Такого момента упустить нельзя. Павел сразу покинул трактир. На улице подошел к городскому, представился. Пошли вместе, у дома городской взял в помощь дворника. В ситуации, когда требовался понятой или физическая сила, дворников привлекали часто. Они и жильцов знали хорошо и чем каждый дышит. Взяли Гребня спокойно, пьяненький отсыпался. Разбудили, связали руки. Павел обыск учинил и не зря. И монеты французской чеканки нашел, и часы золотые, которые Гребень еще продать перекупщикам не успел. С Гребнем и изъятыми ценностями на грузовом извозчике, на подводе ломовой, к Сысской полиции. А там уже Путилин допрашивает Шишкова, информаторы его сдали с потрохами.

Путилин результатами поисков и задержаний доволен, папиросу курит, да еще и Шишкова угостил. Задержанный рассказал, что, будучи обиженным на князя, решил его обворовать. Об убийстве не помышляли. Зная распорядок, днем вошли в открытую парадную, поднялись на второй этаж, квартира на котором пустовала. Через окно видели, как уехал князь. Парадную дверь он всегда замыкал своим ключом, а дверь в квартиру оставлял не запертой. Шишков с приятелем Гребенниковым спустились в квартиру князя, успели обшарить все места хранения, выгребли все ценное – часы, монеты, мыльницу. Сильно заинтересовал их окованный железом сундук. Что только ни делали, а открыть крышку не смогли. Решили подождать князя, а как уснет тот, вытащить из карманов одежды ключи и открыть злосчастный сундук. Полагали – там сокровища несметные, ради которых стоит рискнуть. Прятались за шторами. Князь приехал за полночь, слегка пьяный. Раздевшись, улегся в кровать и быстро уснул. Шишков вышел из-за шторы, нашел в карманах две связки ключей. В темноте, опасаясь зажечь свечу, приятели принялись подбирать ключи к замку сундука. Ни один не подходил, видимо, князь хранил ключ отдельно. Добыча показалась маленькой, начали обшаривать карманы одежды князя да шумнули неосторожно.

Проснулся князь, спросил:

– Кто здесь?

Чтобы князь не поднял тревогу, на него накинлись разом, принялись душить. И удушили насмерть. Ночи в Петербурге короткие, начало светать. Приятели выждали, пока на улице никого видно не будет, открыли дверь парадной ключом князя и ушли. Перед уходом Гребенников надел себе на голову цилиндр князя. При этом выглядел нелепо, в поношенной одежде ремесленника и шикарном цилиндре обращал на себя внимание.

Путилин доложил Трепову и Шувалову о задержании убийц. Оба тут же приехали в Сыскную полицию, желая самым удостовериться. Сами лично допросили преступников, остались довольны. На глаза начальству Павел попался. Путилин показал на него.

– Гребенников его стараниями арестован.

– Хм, молод, а способен, значит, – хмыкнул Шувалов. И внимательно Павла осмотрел.

Начальство уехало в Зимний дворец, доложить императору. Успех несомненный. К исходу вторых суток преступники задержаны, дело чисто уголовное и политикой не пахнет и близко, как опасались в руководстве. Уголовники в любой стране есть, это понятно. Но в России в последнее время появились разные группы, якобы радеющие за народ, убивали чиновников, жандармов, мучили народ. Царь и двор опасались, что убийство военного агента – дело рук доморощенных революционеров. Тогда могут быть проблемы, особенно если какой-нибудь кружок выдвинет политические требования. А сейчас ситуация благополучно разрешилась.

Уже через пару часов к Сыскному отделу подкатила карета, из нее выбрался сам посол, побеседовать с преступниками с глазу на глаз. Не заставили ли полицейские взять на себя чужую вину, уж больно быстро злодеяние раскрыто! Посол долго беседовал с каждым из убийц и разговором остался доволен. Ему придется сообщать своему правителю об убийстве, о скором раскрытии его, и каждый факт в письме должен быть тщательно проверен. Если бы расследование затянулось, это в неблагоприятном свете выставило Российскую империю перед европейскими государствами. На тот момент Австро-Венгрия была страной большой по европейским меркам, влиятельной, сильной в военном отношении.

Через несколько дней Путилин, как начальник Сыскного отдела, был приглашен к Трепову, а потом и к государю. Через несколько дней все активные участники поиска преступников были награждены денежной премией. Павлу досталось сто рублей. С отмеченными сотрудниками сходили в ресторан «Медведь» на Невском, посидели. А в ближайший свободный день Павел ходил в Охотный ряд, своего рода универмаг, торговый центр на Невском. Там в первую очередь появлялись европейские обновки. Придётся в цивильное – костюм-тройка, рубашка, лакированные штиблеты и шляпа-котелок.

Но все приобретения – мелочь. Хотелось своего жилья, а не съемного, но дорого, не накопил еще даже на квартиру, не говоря уже о скромном доме. В своем жилье можно купить мебель по вкусу, обустроить. Хотя большую часть времени Павел проводил на службе, на съемную квартиру являлся только спать, да еще выходные проводил, когда удавались. Служба в полиции не «от и до», часто сверхурочная, когда и сутки на ногах и двое без отдыха, и часто без еды, если только на ходу успеешь купить пирожок у уличного торговца. Но постепенно привык, пообтерся, знал все значные места города, куда лучше ночью в одиночку не заходить, где обитает отребье, где могут убить за три копейки, чтобы на них похмелиться. Здесь обитали воры, насильники, грабители и убийцы, проститутки и скупщики краденого. Почти все обитатели дна не имели документов и могли себя называть под разными фамилиями. Попробуй, найди Малахова, когда он уже Филипповым называется.

Павлу был памятен один момент. Привели задержанного, подозреваемого в грабеже. Он утверждал, что крестьянин и только два дня как приехал в столицу. Но Путилин попросил его снять рубаху. А вся спина исполосована старыми рубцами. Оказалось – беглый солдат, которого приговорили к битью шпицрутенами, пропустив через строй. Как побои зажили, солдат снова бежал, украв полковую кассу. Снова был пойман, осужден к ссылке в арестантские роты в Динабург, оттуда тоже бежал. А сейчас влип, поскольку на Путилина нарвался. Павел потом спросил, почему сыщик заподозрил ложь?

– А ты руки его видел? Где мозоли от тяжелого сельского труда? Подозрение возникло, что лжет!

Павел смотрел, как работает над раскрытием преступлений Иван Дмитриевич, учился наблюдательности, анализу, умению делать выводы. Для всего опыт нужен, а это приходит с

годами работы и обязательно под началом толкового учителя. Конечно, теоретическая база была, все же юридический институт закончил. Но не всякий начальник свой опыт щедро передавать будет, ибо подчиненный может оказаться способным и учителя обойдет в профессионализме. А не всем это понравится. Иной учитель выглядит на голову выше всех, но только потому, что подчиненные не растут. Путилин как учитель был превосходен. Показывал, разъяснял, почему сделал так, а не иначе. И если была совершена ошибка, то подсказывал пути исправления ее.

Однажды летним вечером Павел прогуливался. Завел себе привычку каждый вечер совершать моцион – вдоль Екатерининского канала до набережной Мойки, потом до Невского и на квартиру. Получалось восемь кварталов, причем немалых. Прогулка давала нагрузку мышцам и очищала голову. Центр почти, народ по вечерам променады совершает, все принаряжены, раскланиваются со знакомыми. Тускло горят масляные или газовые фонари. Дворники у домов на вверенном участке стоят, наблюдают. Случись непорядок – в свисток дуют, сигнал городскому подают. Оттого шпана и гопота в центр обычно не суются, знают – повяжут сразу при нарушении порядка. Однако все равно происшествия бывали. Слишком лакомый кусок для разбойников или грабителей. Угрожая ножом или кастетом, забрал бумажник у господина и ходу! Ибо если догонят, могут побить, и сильно. В Петербурге осенью и зимой погода скверная – с Финского залива промозглый ветер, влажность большая, как во всех приморских городах, скользко, хотя дворники и снег счищают и посыпают тротуары мелкой золой из печей или песком.

Зато летом благодать. Темнеет поздно, ближе к полуночи, светает рано. Да и сама ночь серая и короткая. Нет жары, но комары донимают. Когда легкий ветерок, комаров сносит, тогда совсем хорошо.

Только подошел к углу набережных водных путей, как крики услышал, шум потасовки. На мостовой легкий возок стоит, люди мелькают. Благодное настроение сразу пропало. Павел помчался вперед, на ходу достал из кобуры под пиджаком револьвер.

– Стоять! Полиция!

От возка в стороны сразу рванули два мужика.

– Стоять! Стрелять буду!

И выстрелил вверх. Беглецов это только подстегнуло. По булыжной мостовой в сторону Малой Конюшенной мчатся. Еще можно выстрелить, но неизвестно, как велика их вина? А то можно и самому за самоуправство под суд попасть или быть уволенным. Павел вскочил на подножку возка. От него в испуге отшатнулся извозчик. Да и любой бы испугался. В руке револьвер, волосы взъерошены, глаза горят.

– Я из полиции. Что случилось?

С сиденья возка голос. Павел даже не понял сперва – женский или мужской? Оказалось – подросток лет четырнадцати. От испуга заикается.

– На... нас... напали, сударь! У меня и денег-то нет.

– Верно, верно, испугали только мальчонку, – поддакнул извозчик.

– Ничего не забрали? Сам цел? – спросил Павел.

– Цел.

Грабители в сумерках думали, что в возке важный господин или знатная госпожа, есть чего отобрать – сумочку с деньгами, кольца-перстни – цепочку золотую или бумажник с ассигнациями. Да обломилось. А если убытка нет, то и преследовать бесполезно. Ну, задержит Павел неудачников, а что предъявить? Какую вину? Стало быть, и суда не будет, придется с извинениями отпустить. Не факт, что эта же парочка никого сегодня не ограбит, но пока предъявить им нечего. Павел решил сопроводить возок, все-таки подросток напуган.

– Далеко ли до дома, юноша?

– На Итальянской.

– Трогай, – приказал кучеру Павел.

Заокали подковы по булыжнику. Павел уселся на сиденье рядом с подростком, убрал револьвер в кобуру, пригладил ладонями волосы.

– Что же мы так поздно? – поинтересовался Павел.

– Так я же не один, с Мефодием, – показал на кучера подросток.

– Наверное, лучше будет, если будете возвращаться домой пораньше, – заметил Павел.

– Непременно так буду делать впредь, сударь. А вы и вправду из полиции?

– Что, не похож? Я из Сыскного отдела.

– Это где Путилин? – воскликнул подросток.

– Именно так. Наслышан о нем?

– Дядя сказывал.

Ехать недалеко, кучер остановился у ворот особняка. Улица для состоятельных господ. Павел соскочил с возка.

– Удачи вам, юноша.

– Подождите, сударь! А как ваша фамилия?

– Зачем она вам? Прощайте.

Павел направился домой. Настроение хорошее, что-то полезное сделал, день не зря прошел.

Утром о юноше не вспомнил, службу начал с журнала приключений. Было ограбление ночью, в ноль тридцать, на Большой Конюшенной. В ту сторону побежали неудачливые грабители. Все же удалось кого-то ограбить мерзавцам. Приметы прочитал – двое и одежда совпадает. Теперь все чины полиции искать будут.

А к полудню к отделению подкатил возок. Павел с офицерами как раз у Путилина в кабинете собрались. Дверь распахнулась, за ней дежурный полицейский в струнку тянется. А в кабинет заходит шеф жандармов граф Шувалов и с ним вчерашний юноша. И юноша сразу воскликнул:

– Вот же он! – И рукой на Павла указывает.

Павел увидел, как всегда невозмутимый Иван Дмитриевич брови вскинул. Предположил, наверное, что промашку Павел допустил. Шувалов сначала к Путилину подошел.

– Рад за ваш отдел, Иван Дмитриевич. Вчера на племянника моего два грабителя напали, так сыщик ваш отбил! Дозвольте обнять и поблагодарить!

Шувалов шагнул к Павлу, взял его обеими руками за плечи, притянул, прижал. И прошептал в ухо:

– Зайди вечером, адрес ты знаешь, разговор есть.

И уже для всех:

– Не буду мешать! Честь имею!

После ухода графа Путилин спросил Павла:

– Ты чего же молчал?

– А что я должен был делать? Грудь колесом и героя изображать? Обычный поступок полицейского чина.

Путилин хмыкнул. В самом деле, мужчину красят дела, а не слова. До вечера ничего значительного не произошло. Павел и Путилин встретились уже у дверей, после окончания службы.

– Иван Дмитриевич, позвольте не служебный вопрос?

– Ради бога!

– В какое время можно визиты наносить?

– Если приглашены, то к вечернему чаю, это восемь вечера.

– Благодарю.

– К Петру Андреевичу приглашен? – догадался Путилин.

– Точно так-с!

– Язык там не распускай, – посоветовал Путилин. – Вроде одно дело делаем, но у нас сыск уголовный, а у жандармов политический. Граф – человек обходительный, но поговорку помни – мягко стелет, да жестко спат.

Всю дорогу до своей съемной квартиры Павел думал над словами начальника. Что он имел в виду, говоря про язык? Никаких секретных операций сыск не проводит, и сболтнуть лишнего просто невозможно. На квартире поужинал, почти всухомятку, кусок копченой колбасы с ржаным хлебом и стакан чая с ситным. Неудобно голодным в гости, все же граф и генерал-майор, шеф жандармов, чиновник высокого ранга. Дистанция между ними велика. И приглашает его граф только из приличия, в знак благодарности за племянника.

Вышел загодя, почти за час, хотя быстрым шагом идти четверть часа. Своего выезда – экипажа и лошадей – не было. Если торопиться – вспотеешь, потому и вышел с запасом времени. Без пяти восемь постучал в дверь. Слуге назвал свою фамилию, и тот впустил. В домах высокопоставленных чиновников дворянского происхождения Павел никогда не был, из интереса глазел по сторонам. Дом в два этажа, чувствовался достаток. Огромные сени, как называлась тогда прихожая, на второй этаж лестница с мраморными ступенями, рядом скульптура стоит. Сени достаточно освещены многочисленными свечами. Слуга в ливрее проводил Павла в столовую. Огромный стол, персон на двадцать, а сидят двое – сам Шувалов и его супруга, урожденная графиня Елена Ивановна Орлова-Дашкова, бывшая вдова, вышедшая замуж за Шувалова. Насколько знал Павел, у пары имелся маленький, трехлетний наследник. Павел поклонился, Шувалов махнул рукой.

– Присаживайтесь, сударь. Разделите с нами трапезу.

Слуга тут же поставил чайные приборы. На столе сушки, колотый сахар в сахарнице, конфеты, сухофрукты в сахарной глазури. Павел выпил чашечку превосходного чая, похоже – английского. В тишине попили, супруга встала и откланялась. Граф поднялся.

– Пройдем в кабинет.

Кабинет на втором этаже, большой, сразу видно, рабочий. На столе, покрытом зеленым сукном, документы, бумаги. В книжных шкафах вдоль стены – законы, уложения, какие-то папки.

– Садитесь, Павел Иванович, курите.

– Я не курю.

– А я балуюсь.

Граф закурил папиросу, откинулся на спинку кресла.

– Вам нравится ваша служба?

– Несомненно, иначе бы ушел. И начальник у меня отличный.

– Вижу – не для проформы говорите, уважаете.

– Сыщик он от Бога и учитель хороший.

– Не надоело с отбросами общества общаться? Грабители, убийцы, сутенеры, воры, насильники. Тьфу! Виселица по ним по всем плачет.

– Мы своей службой общество чище делаем. Арестуем убийцу и под суд.

– А он отсидит на каторге двенадцать лет и вернется. А пока его в городе нет, из деревни другие придут ему на замену. Чем не вечный двигатель?

– Перпетуум-мобиле? Так без полиции совсем плохо будет! Народ должен видеть, что государство в лице полиции его защищает, иначе вовсе тоска! Еще со времен древнего Рима государство должно учить, лечить и защищать своих граждан.

– Вы умны для прапорщика. Не хотите перейти к нам?

– Вы имеете в виду жандармерию?

– Даже посерьезнее – в Третье отделение. Для империи наша служба важнее.

Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии – фактически политическая полиция. Каждое государство такую имело, а называться она могла по-разному. Применительно для России – охранное отделение, либо ОГПУ или НКВД, функции-то те же, только служат другой политической системе. Первым начальником, создателем III отделения был граф А. Х. Бенкендорф. Силовую поддержку отделению оказывал отдельный корпус жандармов. Униформу они имели голубого цвета, и это о них А. С. Пушкин писал: «И вы, мундиры голубые, и вы, покорный им народ». Третье отделение делилось на экспедиции. Первая – следила за неблагонадежными, наблюдала за недовольными, организовывала политический сыск, проводила репрессивные меры.

Вторая экспедиция занималась раскольниками, фальшивомонетчиками, сектантами, а также обеспечивала работу тюрем для политических – Алексеевского равелина, Петропавловской крепости, Шлиссельбургской крепости, Спасо-Евфимиевого монастыря.

Третья экспедиция присматривала за иностранными подданными в империи, фактически выполняя функции контрразведки.

Четвертая экспедиция занималась надзором за печатью, цензурой, борьбой с контрабандой, а также личным составом жандармерии.

И последняя по счету, пятая экспедиция, занималась театральной цензурой, цензурой переводов с других языков, театральными афишами, контролем над типографиями.

Очень похожую структуру скопировали в КГБ. И не зря, очень эффективной оказалась. Но так же как и КГБ, Третье отделение боялись и не любили, хотя необходимость данной структуры понимали как в руководстве, так среди людей разумных.

Павел молчал, обдумывая неожиданное предложение. С Путилиным он уже сработался, они хорошо понимали друг друга, и Павел много перенял полезного от сыщика, особенно в практическом плане. Но граф прав. С маргиналами и отбросами общества работать в моральном плане нелегко. Хочется этого гада, хладнокровно убившего двоих малолетних детей, пристрелить или повесить. А вынужден с каменным лицом продолжать допрос, выуживая все новые подробности и улики, свидетелей. Да и большая часть преступников – люди необразованные, у которых всех интересов – украсть или ограбить, деньги промотать в трактире, нажраться от пуза, да еще, чтобы денег хватило на продажную женщину. Никаких интересов в жизни, настоящие животные. Но те хоть себе подобных не убивают, а только пропитания для. Главное отличие преступника от нормального человека в отсутствии жалости, совести. Нет у них таких чувств. Отобрать последнюю монету у нищего старика, либо задушить без угрызений совести молодую женщину – служанку, чтобы украсть серебряный подсвечник и пропить. И никакая тюрьма или каторга его не исправит.

Надолго задумался Павел. Его раздумья прервал граф:

– Вот что, время уже позднее. Предлагаю вам, сударь, все обдумать, взвесить, может быть и посоветоваться. Только помните, что вы, задерживая преступника, отдавая его под суд, спасаете общество от одного негодяя. А у нас спасаете весь строй, государя. Надеюсь, вы слышаны о покушениях на императора?

– А как же!

Покушений уже было два. Одно совершил четвертого апреля революционер-террорист Дмитрий Каракозов. Царь прогуливался с дворянами, когда Каракозов начал стрелять в государя. Толпа бросилась на него, и от самосуда террориста спасла только полиция. Когда его скрутили, связали, подвели к царю, чудом не получившего ни царапины, он сказал:

– Ваше величество, вы обидели крестьян.

После допросов Каракозова поместили в Петропавловскую крепость, а после суда повесили, третьего сентября этого же года.

Второе покушение произошло на следующий год, 25 мая. Антон Березовский, деятель польского национально-освободительного движения, прибыл во Францию, где находился с

государственным визитом русский император. Вместе с Наполеоном III они ехали в открытой карете, когда поляк начал стрелять из пистолета. Офицер охраны толкнул террориста, две пули угодили в лошадь. Третьего выстрела не произошло, пистолет разорвало, повредив поляку кисть руки. Террориста схватили, и 15 июля суд отправил его на каторгу в Новую Каледонию.

В русских газетах о покушениях широко писали, и Павел негодовал. Как может Третье отделение так небрежно относиться к охране государя? Понятно, что к первому покушению были не готовы. Никто предположить не мог, что у кого-то поднимется рука на императора. Но уже после должны были принять исчерпывающие меры. Была же личная охрана у советских вождей. Да и после падения социализма. При посещении какого-либо города и канализационные люки заваривают, и снайперы на крышах дежурят, и глушители для сотовой связи задействуют. Да много чего еще Федеральная служба охраны предпринимает. Применительно ко времени и условиям пошутнее действовать надо. И телохранителей приставить, и маршруты движения продумать. Ныне никто не увидит гуляющего по саду президента, опасно. Александр Второй любил разгуливать по Летнему саду, не опасаясь фланирующей публики, чем не преминули воспользоваться террористы. Некоторые покушения приводили к успеху. Например, на Столыпина. Разве стране стало лучше? И как факт – покушались на руководителей передовых взглядов.

Но Павел еще не знал реальных цифр удавшихся и неудавшихся покушений, например, на киевского прокурора Котляровского, харьковского губернатора князя Кропоткина, шефа жандармов Мезенцева и десятках других. При власти монархической инакомыслие подавлялось, но стоило Александру II ослабить жесткую хватку, дать крестьянам вольную, начались брожения, в немалой степени поддерживаемые либералами-вольнодумцами в европейских странах. Начали образовываться кружки, типа «Земля и воля» или «Народная воля», где молодые люди с жаром обсуждали способы свержения самодержавия. Многие ошибочно полагали, что если убьют царя, на его место придет хороший, добрый. А дело было в системе. Да и начитались книг философов-теоретиков, вроде Кампанеллы «Город солнца». Нет и не может быть такого равноправия!

Шувалов, как шеф жандармов, о политической ситуации в стране знал лучше, чем кто-либо другой. Но Павел знал о других, будущих покушениях на государя, о развитии страны, о грядущих революциях и потрясениях, о предстоящих развалах страны. Сначала после октябрьского переворота, организованного большевиками, отделились Финляндия и Польша. Потом Сталин с подписанием секретного договора присоединил земли Западной Белоруссии до Прута и Западной Украины. А с развалом СССР в девяностых от империи уцелела одна Россия, потеряв и в населении и в территориях. И, пожалуй, у Павла перед графом было преимущество. Как там в Библии? Многие знания – многие печали.

На квартиру Павел пришел в смятении. Уходить от Путилина не хочется. А с другой стороны – в Отдельном корпусе жандармов для страны он больше пользы принесет. Вдруг получится сохранить самодержавие? Сохранились же многие монархии, главная из которых – Британия. Растеряла многие колонии, но выжила, процветает. Да и контингент будет другой, не дебилы-убийцы, а люди образованные. Павел даже понадеялся, что кого-то можно переубедить, вывести из противников режима. Не спал всю ночь, сам с собой спор вел, решал, что предпринять. От предстоящего шага многое в дальнейшей судьбе зависит.

Утром пришел на службу с тяжелой головой, не выспавшийся. А Путилин его сразу к себе.

- Что решил?
- Вы о чем, Иван Дмитриевич?
- Не прикидывайся! Предлагал тебе граф перейти в жандармы?
- Было дело.

– Ты на себя в зеркало посмотри. Глаза ввалились, под глазами круги темные. Значит, не спал, мысли одолевали. Зная, что вчера ты к графу приглашен был, вывод следует однозначный.

– Ну да, информация и дедукция. Ничего я не решил.

– Там и жалованье повыше нашего будет, и звание тебе сразу на ступеньку повысят.

– Я что-то не пойму. Вы от меня избавиться хотите?

– Напротив. Рассказываю все, чтобы ты не обижался на меня потом. Как говорится – карты на стол. Ладно, иди, просмотри «книгу приключений». Дежурный сказал – много происшествий было. Может, и по нашей части есть.

Листал книгу Павел, да текста не видел, все из рук валилось. Понимал, что на распутье. Второго такого шанса судьба может не дать. И противник у жандармов посерьезнее, стало быть – служба интереснее. День тянулся долго, вечером Путилин сказал:

– Если завтра ничего срочного не будет, отдыхай. Обмозгуй все, прими решение. Но окончательно. Если надумаешь уйти, не обижусь. Ты человек башковитый, тебе расти надо.

– С вами расставаться не хочется, Иван Дмитриевич! – вырвалось у Павла.

– Так по-любому встречаться будем, служба такая.

– Не будете на меня сердиться?

– Упаси Бог! Важно на любом месте быть полезным государю, обществу, людям.

– Хм, обществу! Оно разное.

– А ты смотри на порядочных людей. А пена уйдет.

Эх, Иван Дмитриевич! Вашими бы устами мед пить! Пена как раз всплывет наверх, хуже того – властвовать будет, приберет к липким рукам предприятия, обогащаться будет несоразмерно заслугам. Блажен, кто верует!

Глава 3

Жандарм

Утром Павел, тщательно побрившись, направился на набережную Фонтанки, дом 16, где располагалось тогда III отделение. Что удивило – никакой суеты. Посторонних нет, только слушающие в голубых мундирах. На Павла в мундире полицейском поглядывают с любопытством. Дежурный офицер сопроводил его в кабинет шефа жандармов. Граф был в цивильном платье, костюме-тройке. Увидев Павла, встал из-за стола.

- Рад приветствовать! Неужели надумали?
- Долго раздумывал и решился.
- Похвально. Пишите прошение о приеме на службу.

Павел написал, стараясь строки выводить ровно. Граф прочел, тут же наложил резолюцию.

– Сейчас в четвертую экспедицию. Там все оформят, как полагается. А потом во вторую экспедицию, начнете службу с нее. Для начала с нашим сотрудником проведете инспекцию мест заключения подсудимых.

Павла приняли благожелательно. В столичном Третьем отделении тогда служили немногим более семидесяти человек. Для большого по тем меркам столичного города – ничтожно мало. Террористов всех мастей привлекали правительственные учреждения, сама императорская особа. Пару часов в четвертой экспедиции его инструктировали, потом выдали казенные деньги авансом на пошив мундира.

Павел сходил к мастеру, сделал заказ на пошив мундира. Солдатам выдавали из готовых мундиров, которые шили по государственному заказу на частных предприятиях. Поскольку объемы заказов были огромные, на миллионы рублей, за них боролись. Государственные заказы позволяли избежать головной боли о сбыте, гарантировали несколько лет спокойной жизни для фабриканта. Офицеры, что в армии, что в полиции, жандармерии и других структурах, мундиры заказывали у мастеров, чтобы сидели по фигуре, были пошиты со всем тщанием. Особым шегольством отличались гвардейские офицеры, у них даже шпоры на сапогах были серебряные.

На следующий день началась рутинная работа. Засел на неделю за изучение документации. Что дозволено жандарму, а что запрещено, кого считать сектантом, а кого нет. От большого объема информации к вечеру голова совсем не соображала.

На службу ходил в гражданской одежде, как добрая половина Третьего отделения. Мундир нужен, когда требуется показать присутствие власти. Например, на массовых собраниях – митингах, крестных ходах, тем более забастовках. Но по большей части работа Третьего отделения скрытная. Войти в доверие, получить информацию, не привлекая внимания. Взять ФСБ или ФСО, часто ли удастся увидеть их сотрудников в форме?

У Павла и вопросы возникали. Во дворце императора охраняет дворцовая, весьма немногочисленная стража. На торжественных выездах, когда государь в карете едет, его сопровождает конный конвой из казаков, они службу несут ревностно. Тогда почему император на прогулках по саду или городу вообще без охраны ходит? Для террориста момента лучше придумать невозможно. Упущение большое. Павел обратился к начальнику экспедиции. Тот сразу ответил:

- Не нашего ума дело! Будет распоряжение руководства – создадим!
- Для государя – риск!
- Ты хочешь указывать государю, как себя вести? – удивился начальник.

– Совсем нет! Но охранять, сопровождать можно тайно. В гражданской одежде, не привлекая внимания.

– Я доложу Петру Андреевичу о предложении, ему решать.

Доложил начальник или нет, но не изменилось ничего, что показали дальнейшие события.

Павла, как новичка в службе, определили к опытному офицеру – Скрябину. И первым делом, в котором Павел активно участвовал, было фальшивомонетничество. Стали появляться фальшивые ассигнации в десять рублей и пятьдесят. Причем подделки были высокого качества и выявляли их только в банке. Обычный человек на глазок определить подделку не мог. Единственный внешний признак – на всех ассигнациях один и тот же номер. Бумажная фабрика, выпускавшая бумажные деньги, располагалась в Петропавловской крепости. Местоположение удачное – внутри крепости, стоит гарнизон, проникнуть в крепость непросто, мимо армейских часовых, да еще на входе в монетный двор своя охрана. Для начала штабс-капитан Скрябин и Павел отправились туда. Вполне вероятен вариант, что выпускали там. Для выпуска фальшивых денег нужны многие условия – рисовая бумага, которую в то время в стране не выпускали, а закупали за границей. Или пеньковая, отечественная, особой выделки. Краски определенного колера, защитные знаки, да много чего еще, те же станки. Пока ехали на пролетке, Павел сказал:

– Думаю – в подполье каком-то делают, не на Монетном дворе.

– Объяснись.

Отношения между офицерами сразу сложились дружеские, обращались друг к другу на «ты». Разница в возрасте и званиях невелика.

– Если бы на Монетном дворе печатали, были бы разные номера ассигнаций. А тот, кто сидит в подвале, делает оттиски на клише. Такая металлическая гравированная пластина.

– Разумно. Но я хочу получить мнение профессионала.

Скрябин предъявил дежурному офицеру у ворот крепости документы, и пролетка была пропущена. Павел несколько раз был в крепости, и сейчас ему было интересно, что изменилось? Булыжная мостовая, похоже, та. Памятника Петру нет, это понятно. В крепости полно солдат, многолюдно. Ныне военных практически нет, одни туристы. В отдалении, в другом конце крепости, считая от ворот, стоит солидное помещение Монетного двора. Слышен шум работающих станков, стук прессов, чеканящих монеты. Часовой на входе свистком вызвал караульного начальника, проверили документы и только тогдапустили. Шум внутри оглушал. Прессы с паровым приводом чеканили монеты, они со звоном падали в железные лотки. Скрябин, уже бывавший ранее на Монетном дворе, повернул к кабинетам начальства.

Директор оказался на месте. Скрябин протянул ему поддельную ассигнацию.

– Ваша работа?

Директор начал при помощи лупы изучать денежку, потом вызвал главного мастера. Тот и без лупы определил:

– Не наше производство. Когда ассигнацию поворачиваю слегка, сиреневый цвет таким и остается. А должен менять оттенок на фиолетовый. Один момент.

Мастер вышел и вернулся с только что отпечатанной десятирублевкой, она еще пахла красками. Он положил обе купюры на сукно стола.

– Присмотритесь, видите отличия?

Если рядом две ассигнации, то отличия в оттенках есть, но они очень невелики, доступны опытному глазу, да и то с подсказки мастера. Кроме того, мастер сказал, что такие номера на ассигнациях были года три назад.

– Сейчас уже серия и номера другие, извольте видеть.

– А еще что можете сказать?

Мастер взял фальшивку, помял в руках.

- Бумага пеньковая, хорошего качества, краски тоже фабричные, но не наши.
- Скажите, года три-четыре назад кто-нибудь из работников фабрики увольнялся?
- И не один, – это уже директор ответил. – Надо бумаги поднимать, смотреть.
- Меня интересуют граверы, художники, в общем – люди высокой квалификации.
- Это будет долго.
- Ничего, мы подождем.

Из небольшого окна, выходящего к Трубецкому бастиону, было видно, как подъехала тюремная карета. Черный цвет, на маленьких оконцах – железные решетки, на запятках кареты два тюремных стража. Открыли заднюю дверцу, вывели арестанта в грубой, шинельного сукна, робе. На руках и ногах железные кандалы. Государственный преступник, только их перевозили с такими предосторожностями.

Скрябин закурил папиросу, пыхнул дымом.

– Кованько. Убил жандарма в Москве. Будет сидеть а, скорее всего, отправят на виселицу.

Судопроизводство было скорым. Если есть улики, свидетели, чего ждать? Или каторга, или эшафот, если вина серьезна. Для солдат могут быть арестантские роты, вроде дисциплинарного батальона. Небольшой срок виновные могут отбывать в тюрьме в своем городе, либо их перешлют в ссылку. И не все этот путь, долгий и тяжелый, могут преодолеть. Только с появлением Транссибирской магистрали участь ссыльных немного улучшилась, их уже возили в «столыпинских» вагонах.

Вернулся директор с бумагами в руках. За последние четыре года уволилось по разным причинам восемь человек. Особой текучки не было. В Монетном дворе неплохие условия труда и жалованье. Оба жандарма склонились над бумагой.

– Вы можете по каждому пояснить, что он делал, какими навыками владел и что из себя представляет? Скажем – выпить любил или за мелкие кражи уволен?

– Это с мастерами вам беседовать надо. Я отвечаю за весь Монетный двор. А чем каждый рабочий дышит – знать не могу.

Список жандармы с благодарностью забрали, начали говорить с мастерами. У каждого из них свой участок работы, подчиненные. Под началом мастера по двадцать – двадцать пять человек. Скрябин карандашом делал отметки против каждой фамилии.

Конечно, мастера своих людей, пусть и бывших, знали хорошо. Помнили не только способности, квалификацию, но и привычки, даже адреса. Помогли больше, чем директор, П. А. Олышев.

Монетный двор был переведен из Москвы в Санкт-Петербург в 1724 году. Чеканил медные, серебряные и золотые монеты, а также печатал бумажные ассигнации, но в небольшом количестве. Монетные дворы были и в других городах империи – Гельсингфорсе, Тавриде. А печать бумажных денег – в Перми и в столице. Стоимость денег была высока. В серебряном рубле 17,995 грамма чистого серебра, в золотом империале 11,988 грамма чистого золота. И стоил золотой рубль 0,77 доллара США или 4 франка, либо 3,24 германские марки. Золотые монеты выпускались в виде империала, десяти рублей. И полуимпериала, в пять рублей.

Из тех людей, кто уволился, на первый взгляд никто подозрений не вызывал. Литейщик, рабочий, кладовщик. Обычные специальности, только литейщик требует обучения, а остальных хоть с улицы бери. В лучшем случае они могут быть на вторых-третьих ролях в шайке фальшивомонетчиков, если состоят там.

В общем, от Монетного двора столицы следов к фальшивомонетчикам, на первый взгляд, не тянулось. Но на дворе трудятся сотни рабочих. Их надо проверять, а еще монетные дворы в соседних городах. И тоже может ждать неудача, ибо фальшивомонетчики могли никакой связи с монетными дворами не иметь. Вон Наполеон Бонапарт, при походе на Россию напечатал огромное количество российских ассигнаций, правда, сделал ошибки в написании. По ним фальшивки обнаружили. Для любой страны денежная система – очень чувствительная,

болезненная тема. На ней зиждется экономика страны. Будет крепкая валюта своя – и экономика при катаклизмах уцелеет, и страна. Гитлер, прекрасно понимая значимость экономики, выпускал на государственных фабриках английские фунты, советские рубли. И не зря после войны была деноминация и обмен денег на купюры нового образца. А сама Германия поступила хитро. Во всех оккупированных ею странах имели хождение, наряду с местными деньгами, оккупационные марки, а рейхсмарки – только в Германии. Правда, Великий Рейх это не спасло от поражения.

Просидели на Монетном дворе целый день и без эффекта. Когда ехали назад, Скрябин сказал:

– Завтра утром подходи к Сенату.

Павел посмотрел на штабс-капитана вопросительно.

– Ах, да! Ты, наверное, не в курсе. При Сенате есть Особая экспедиция. Основной объем бумажных денег выпускают они, еще со времен Екатерины Второй повелось.

Эка все мудрено! Бумажные деньги ввели во время Крымской войны. Производство бумажных денег намного дешевле и проще, чем чеканка монет. Да и по весу бумажные ассигнации легче. Одно дело везти в Крым одну карету с кредитными билетами на жалованье армии и другое – целый обоз медных монет. Одних подвод, лошадей и охраны сколько надо! Однако бумажные деньги должны быть обеспечены серебром или золотом, иначе обесцениваются. Но Екатерина во вкус вошла, денег печатать стали больше, чем добывалось серебра или золота, ассигнации стали обесцениваться.

Созданный ею в 1768 году Ассигнационный банк на набережной Екатерининского канала был закрыт в 1843 году, и ассигнации перестали выпускать, начав производство кредитных билетов. В 1849 году в здании бывшего Ассигнационного банка стал работать Государственный Российский банк. Через канал в 1826 году был переброшен пешеходный Банковский мост.

За сегодняшний день Павел устал и чувствовал себя не лучшим образом. Ни на шаг не сдвинулись вперед, а сутки прочь. То ли дело ловить преступников в Сыском отделе! Там уже и навык появился, и осведомленность о преступном мире. А в новом подразделении он как новичок, вынужден только приглядываться к старшему. А, похоже, и он не сильно в этих вопросах силен. Все же фальшивомонетчики не часто появляются. Для такой работы знания нужны. А еще отпугивает наказание. Согласно Уложению двадцать пять лет каторги. Такой срок мало кто выдерживает. Либо смертная казнь через повешение, ибо фальшивомонетничество подрывает устои государства. И в любой, даже просвещенной монархии Европы или Французской республике, наказания суровые.

Следующим днем встретились у Сената, что рядом с известным памятником Петру. Пришлось ждать аудиенции у чиновника, который выписал разрешение на допуск в Особую экспедицию. Все же деньги не любят посторонних глаз и шума.

От Сената до Государственного банка шли пешком. Погода чудесная, тепло, по Неве корабли, лодки шныряют. И здесь постигла неудача. Экспедиция немногочисленная, за работу печатника держались. Уходили по болезни или смерти. Начальник экспедиции вроде экскурсии провел.

– Такую бумагу из чистой пеньки только на фабрику кредитных билетов поставляют. Пощупайте.

Бумага слегка желтоватая, не хрустит, как современные деньги, легко мнется и плотная. Это Павел сам ощутил, даже понюхал. У этой бумаги запах особенный.

– У нас печать в три прогона с каждой стороны, под разные краски, – говорил начальник. – Новинку используем – металлография называется. Если коротко – удастся пропечатать микроскопические рисунки сверхточно!

Чувствовалось, что начальник производство знал до деталей. И список выбывших с предприятия составили быстро. По каждому сотруднику начальник сам комментарии давал.

– Просянка, Савельев и Горобцов умерли. Высочин под поезд попал, без обеих ног, в инвалидном доме проживает.

И так по всем двум десяткам фамилий. Скрябин перед уходом напрямую спросил – могли кто фальшивые деньги выпускать?

– Нет, даже если захотел бы – не осият. У нас таких только два специалиста, оба на службе. Один гравёр, другой художник. За обоих ручаюсь. Проверены не раз и закон не преступят.

Вышли из банка, Скрябин папиросу закурил.

– Даже не знаю, с какого боку за дело взяться. Почти каждый день в банке новые фальшивки выявляют. И не в Москве, а здесь, в столице. Стало быть – не завозные деньги, здесь их сбывают.

– Нам бы лучше разделиться, – осторожно сказал Павел.

Он не знал, как отнесется к его словам старший товарищ.

– Я бы занялся бумагой, а вы, господин штабс-капитан, краской. Если обратили внимание – четыре цвета используют. И краска редких цветов. Кто производит, куда отправляют, особенно – кто приобретатель? Мыслью – небольшими порциями берут, чтобы внимание не привлекать.

– Чувствуется путилинская выучка, – улыбнулся в усы Скрябин. – Согласен. Берусь за краску, ты за бумагу. Каждый день встречаемся утром в экспедиции, обмениваемся информацией.

Офицеры козырнули друг другу и разошлись. Павел уже в новом мундире. Честно сказать, жандармы большой любовью горожан не пользовались. Потому как служба скрытая от посторонних глаз. И второе – ошибки были. Ввиду малочисленности состава. К 1870 году в III отделении, во всех его экспедициях насчитывалось всего 72 человека. Они физически не могли осилить всю тяжесть обязанностей. И руководство, не имея опыта борьбы с террористами, не смогло организовать должную борьбу с ними.

После скромного ужина Павел улегся на кровать. Так ему думалось лучше. С чего начать поиски? С поставщиков бумаги? Сложно и долго. Бумагу производят небольшие частные производства, и они могут быть на другом конце страны. Объем выпуска фальшивок не велик, на сегодняшний день банками изъято около полутора сотен подделок. Стало быть, расход бумаги на них не велик. Покупка большой партии была бы заметна, ее как-то можно отследить. Для начала решил посетить книжные лавки. Там продавались, как сопутствующие товары, бумага, чернила, тушь, папки. Одним словом – канцелярские принадлежности.

Сразу после завтрака на Невский проспект, благо – недалеко. Первый же магазин на углу Екатерининского канала и Невского, куда еще Пушкин заходил.

– Есть ли у вас бумага? – обратился он к продавцу.

– Какую изволите?

Павел был в гражданской одежде, которую чаще всего носили сотрудники III отделения, чтобы не привлекать внимание.

Выбор бумаги действительно велик. И по качеству и по размеру листа.

– Пеньковая есть?

На всякий случай спросил, ибо не увидел.

– Имеется. Господин понимает толк.

И продавец выложил на прилавок несколько листов. Павел пощупал, даже понюхал, чем удивил приказчика. А ведь один лист в точности соответствовал тому, что применялся в производстве денег.

– Это чья выделка? – спросил Павел.

– Да вологодская, фабриканта Лузгина.

– Я возьму десяток листов.

- Да хоть всю.
 - Часто ее берут?
 - Да не жалуют. Чаше беленую спрашивают.
- Отбеливали хлоркой.

Купив бумагу, перешел Невский, уселся на скамейке у Казанского собора. Из бумажника достал деньги, стал сравнивать. Очень похоже. Павел даже предположить не мог, что фальшивомонетчик так легко может купить бумагу. Если и с красками такая же ситуация, то дело скверное. Прежде чем начать печатать деньги, фальшивомонетчик должен потратить уйму бумаги для проб – краску подобрать, силу оттиска, да много чего. Павел вернулся в магазин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.